

Колін Павлов

Вірус
сверхцивілізації

The background of the cover is a dark, textured, and somewhat abstract image. It features a central, glowing, face-like shape that appears to be composed of many small, interconnected points or fibers, resembling a network or a complex structure. The overall color palette is dark, with shades of black, grey, and muted green, creating a mysterious and somewhat ominous atmosphere.

Колин Павлов

Вирус сверхцивилизации

<https://litres.ru/73367148>

SelfPub; 2026

Аннотация

Научный обозреватель во время эпидемии нового вируса узнаёт, что вирус вызывает слабоумие у инфицированных, подобно умственных расстройствам при заболеваниях Альцгеймера или Паркинсона. Но слабоумие поражает не всех, и это связано не с деятельностью иммунной системы. Предшествующие и происходящие впоследствии события описываются как с точки зрения протагониста, так и его бывшего сокурника - гениального изобретателя, который и создал вирус.

Содержание

История первая	4
Автор и Джейн	7
II	23
Роман Новака	38
2	48
3	60
4	79
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Колин Павлов

Вирус сверхцивилизации

«Сумасшествие» является более современным вариантом понятия «безумие» и означает дословно: сошедший с ума, потерявший здравомыслие. Так как формы сумасшествия очень разнообразны, выделить определённые признаки не представляется возможным. Общим критерием может служить отклонение поведения от принятых общественных норм, начиная с патологической гиперактивности и заканчивая кататоническим ступором и депрессией.

История первая Сведи меня с ума нежно Пролог

Подержанный микроавтобус свернул с почти пустой в это время дня автострады и направился к заброшенным складам разорившейся автомобильной компании. На въезде водитель назвал себя, передав охраннику в помятой форме карточку социального страхования и договор аренды одного из заброшенных ангаров.

Пожилой охранник тщательно сверился с данными в сво-

ем компьютере и убедившись в достоверности переданных ему сведений, вернул документы арендатору. Формальности на этом можно было бы считать законченными, но охраннику, обреченному в одиночестве провести предстоящие сутки в нагретой на солнце будке, хотелось поговорить.

«Нечасто у нас тут гости бывают, вы первый за последний год, кто решил здесь арендовать склад. Предыдущий арендатор как полгода назад уехал, думал тут новый бизнес начать – куклы завозил из Китая. Йеп... Но дело у него не пошло, разорился, и всё практически за бесценок продал, да можно сказать, что и раздарил. Ну и дочке моей...»

Однако в планы водителя минивэна категорически не входили беседы на отвлеченные темы. Вежливо, но твердо, он прервал охранника, попросив его как можно скорее показать проезд к арендованному складу. Охранник, осекшись на полуслове и ожесточившись лицом, яростно надавил на кнопку управления воротами. «Очередной неудачник спешит просрать здесь последние кредиты. Наверняка дом заложил, чтобы дрянь какую-нибудь перепродать!» – с ненавистью бормотал он, провожая взглядом минивэн, выходящий к ангару номер семь.

Въехав внутрь склада, водитель минивэна закрыл массивные въездные ворота и подойдя к распределительному щитку, повернул рубильник. Агент, сдавший ему давно заброшенный ангар, не обманул – помещение располагало всем необходимым, что могло понадобиться для работы: электри-

чество достаточной мощности; монтажные столы; наборы инструментов и стойка с измерительным оборудованием. В соседнем офисе он нашел холодильник, небольшую кухню и диван – бытовой набор, который обеспечит ему сносное проживание в течение нескольких месяцев. Примыкающее к офису помещение, оборудованное технической душевой, дополняло картину идеального пейзажа, созданного для уединенной и скрытой от любопытных глаз работы.

Человек достал из минивэна кейс и вытащил из его защищенной секции, обложенной «сухим» льдом, несколько стеклянных цилиндров с разноцветными мутноватыми жидкостями, которые он затем осторожно перенес в морозильную камеру холодильника. После чего подогнал тележку к заднему борту минивэна и начал выгружать из багажника нечто внушительное, предварительно сняв с него упаковочную ткань.

Автор и Джейн

I

Имперский звездолет класса Стигма-дельта гигантской тушей завис над мятежной планеткой повстанцев Альянса. Исполинские бластеры, управляемые компьютерным мозгом корабля, басовито урча приводными механизмами, развернулись в сторону северного полюса планеты, где разместились основная база мятежников...

Издатель раздраженно отбросил рукопись и потянулся к интеркому.

Уволю я к такой-то матери эту девицу, зачем только согласился взять ее! Знал ведь, что ничего путного из этой затеи не выйдет, ну откуда у его подружки может быть хороший литературный вкус – она и пары десятков книг-то в своей жизни не прочла. Крейсера, верховные лидеры, ну что за муть? И почему она упорно несет эту писанину мне, знает ведь, что у нас есть редактора отделов, которым по должности положено этот мусор сортировать. Почему? Да потому, что не можешь ты толком никому отказать, а главное – не умеешь! И никогда не умел. Неужели? И как же тогда мне удалось сохранить издательство? И успешное притом издательство. Да не умей я отказывать, так еще лет тридцать на-

зад разорился бы... сразу после основания компании.

Он нажал на кнопку интеркома и стараясь подавить раздражение, пробурчал в микрофон:

– Джейн, зайдите ко мне, пожалуйста.

Через мгновение дверь кабинета распахнулась и стройная, немного угловатая девушка с мило выступающими ключицами ворвалась в кабинет.

– Да, мистер Салливан, слушаю вас, – ясные, светлые глаза ее светились искренней радостью.

Интересно, она всегда и всех так рада видеть? Он вдруг понял, что раздражения больше нет, напротив, он вновь с удовольствием рассматривал её немного пухловатые губы, растянутые до ушей в искренне счастливой улыбке. Вот так всегда, с того самого момента, как автор познакомил нас, подумал он.

– М-м... Скажите, Джейн, это вы подсун... положили на мой стол сие творение? – спросил он, переведя взгляд с ее лица на рукопись.

– Да, мистер Салливан, это написал один мой знакомый. Я подумала, что вам будет интересно взглянуть на него. Ну, это его первый роман, до этого он пару рассказов написал, их даже опубликовали где-то. В университетском журнале, кажется, или что-то в этом роде. У него интересные идеи бывают... я имею в виду приятеля.

– А вы сами его читали?

– Честно говоря, весь роман нет... так как-то, несколько

страниц. Ах, да! Он же читал отрывки из него иногда на вечеринках... ну, в общем ничего, местами довольно интересно было. Вы знаете, я в последнее время только нашего автора читаю – ну, вы понимаете о ком я говорю, – вот только вчера его новый роман дочитала, – она опять счастливо улыбнулась во весь рот, волна обожания накрыла ее.

– Как? Он его уже закончил?

– Да, буквально позавчера вечером прислал мне последнюю часть – я закончила читать только под утро...

– Вот так-так! Это уже нарушение условий нашего с ним договора, а значит, пять процентов из его гонорара – долой!

– Какие пять процентов, как, за что... из чьего гонорара... из гонорара автора!? Но он же только мне показал... вот я дура-то! Но, мистер Салливан, прошу вас... – неподдельный ужас сменил недавнее обожание на ее лице.

– Успокойтесь, Джейн, это шутка была, шутка! Прошу вас извинить меня, ну не подумал я, ну, считайте... х-м, что это была моя маленькая месть вам за тот мусор, что вы мне опять подсунули. Да, увы, это просто хлам, коего полно на любых онлайн-новых литературных площадках. Так что впредь прошу рукописи авторов, особенно начинающих, показывать редакторам соответствующих отделов, а не мне. В общем, никто вашего автора гонорара не лишит, ни пяти процентов, ни даже ноль пяти. Но скажите... э-э... как первый читатель, как вам его новый роман?

Глаза девушки неожиданно закатились, она согнула руки,

поднеся сжатые кулачки к подбородку и, вся напрягшись от охватившего ее приступа благоговейного обожания, почти выкрикнула, привстав на цыпочки:

– Это гениальное произведение, мистер Салливан! Нет, не гениальное – это шедевр! На него будут молиться, ему будут поклоняться! Да, да, не улыбайтесь, появится новый культ, я знаю, культ «Ги...»

– Пойдите, Джейн, пойдите! Так уж и молиться? – продолжал улыбаться издатель. – Я, конечно, с удовольствием разделю бы ваш восторг, тем более что заинтересован в подобной читательской оценке прежде всего, но, возможно, вы несколько сгущаете краски... м-м... радужные.

– Вот нисколько, мистер Салливан, нисколько. Какие там повороты сюжета, персонажи какие необычные, а как все выстроено – я никогда ничего подобного раньше не встречала.

Что не удивительно, подумал издатель, поскольку книг ты прочла в своей жизни раз, два, и обчелся.

А, впрочем, ее реакция на новый роман автора обрадовала его. В конце концов, он и рассчитывал на аудиторию, подобную Джейн. И если первый же ее представитель столь восторженно отзывается о романе, то, похоже, за его коммерческую сторону можно не беспокоиться. Но надо же – культ!

Джейн, выйдя из кабинета, прикрыла за собой дверь и, прихватив со стола смартфон, вышла в коридор и спустилась в кафетерий в дальнем конце холла издательства. Сев за сто-

лик около залитого послеполуленным солнцем окна, она, заранее улыбаясь в предвкушении новостей, которыми сейчас поделится, нашла нужный номер и нажала кнопку вызова.

– Алло, привет, любимый! Как ты там, работаешь? Ага, значит выбрался все-таки из кровати... Слушай, я только что была у Салливана и случайно проболталась, что ты вчера закончил роман... ну, извини, я не подумала, так хотела ему рассказ... а, ты не сердись, милый, ну все равно, прости, прости... Как он отреагировал? Ну, он был доволен, что роман мне жутко понравился... А мне не то, что он понравился, я просто, ну, ты знаешь... Я ему так и сказала – это не гениальное произведение, а шедевр! А он что? Улыбнулся, ну, почти рассмеялся, сказал, что так уж прям и культ. Какой культ? Да я ляпнула, что это культовое произведение... А что? Я и правда так считаю. Да, что ты положишь начало новому культу... Ну, например, культу обладателей «умного» фермента. Ага, а я буду его первым служителем... м-м... первослужителем. Что? Нет такого слова? А как можно сказать? Ну ладно, пусть, буду первым первосвященником... А ты что делаешь? Слышу печатаешь, может я тебе мешаю?

Автор, улыбаясь, поставил точку в конце последнего отредактированного предложения и некоторое время собирался с мыслями, вмиг разлетевшимися, стоило Джейн позвонить. Как и всегда, слушая ее напористый, звонкий голос, он ощутил, как в нем опять поднимается волна непреодолимого желания. Оно охватывало его каждый раз, когда он, едва слы-

шив ее голос, ощущал прикосновение ее маленьких упругих сосков, твердых бедер и чувствовал на своих губах прикосновение ее влажных губ. Они растались едва часа три назад, а его опять всего трясло, когда он слушал ее милый лепет.

Боже, что ты творишь, старый ты пердун, она всего-то лет на десять старше твоей дочери!

Он взял смартфон в руку, переключив его с громкой связи на внутренний динамик.

– Да, девочка, печатал, но уже закончил, можно сказать допечатал, так что теперь я полностью в твоём распоряжении. Значит на Салливана твоя реакция произвела впечатление?

– Ну что ты, не то слово! По-моему, он теперь совершенно спокоен, что твой гонорар отобьется и ему тоже кое-что перепадет. А когда ты хотел показать ему окончательный вариант?

– Да, собственно, сегодня и хотел отправить, вот как раз собирался распечатать пару экземпляров перед тем, как ты позвонила.

– Любимый, а ты помнишь, что на дворе двадцать первый век и любую книжку можно прочесть онлайн, на экране ноута, например? – поддразнила его Джейн.

– Ну, конечно, я некоторым образом знаком с современными технологиями, но, видишь ли, Салливан – человек старой закалки, и предпочитает читать книги, а не листать их

страница за страницей на экране ноута. Поэтому он всегда просит «своих» авторов распечатывать ему рукописи, только так он знакомится с их новыми книгами... М-да, распечатывать рукописи – это определенно новое слово в издательском деле!

– А, понятно... Кстати, насчет современных технологий – мне очень понравился в романе этот... как его... а, да, 3D принтер вирусов, который придумал... ну, этот, странное такое имя, немного африканское, что ли... А! Огот Кавон! Откуда этот принтер взялся, ты его придумал или он вправду существует?

Автор непроизвольно вздрогнул, когда Джейн упомянула имя изобретателя принтера вирусов. И как ей всегда удается уловить самую суть, догадаться об истинной подоплеке событий, происходящих вокруг? Несомненно, недостаток образования она с лихвой компенсировала врожденной интуицией, которая помогала ей принимать практически всегда правильное решение и безошибочно выбирать нужное направление.

М-да... вот так и меня она выбрала, руководствуясь лишь интуицией, а значит не такой уж я кднченный человек, если верить моему послужному списку. Ну, если судить по многочисленным мимолетным связям после разводов, то половина населения планеты должна быть внесена в тот же список кднченных...

– Эй, ты там отключился, что ли? Неужели опять всю ночь пил? – весело недоумевала Джейн на том конце линии связи.

Где-то я уже это слышал, подумал автор, возвращаясь к реальности. Ах, да! Ровно то же самое Мэй говорит Николасу в моем романе.

– Нет, девочка, не отключился, просто размышлял над тем, какая ты у меня умница, и как мне с тобой повезло. А ночью пить я никак не мог, потому как провел ее с тобой, если ты помнишь, конечно же.

– Ничего не помню, ничего не знаю, придется сегодня повторить, чтобы я поверила, что была с тобой!

– Ловлю тебя на слове – заеду за тобой в шесть, потом отметим окончание романа, – с удовольствием пообещал автор, предвкушая очередную бессонную ночь... и явно не по причине злоупотребления алкоголем.

Он помолчал немного, вспоминая события двадцатилетней давности. Надо же, как будто вчера это было (до чего же банальная фраза, а еще писателем себя мнишь!), а помню все так, как будто только вчера расстался с Того.

– Да, девочка, возвращаясь к твоему вопросу... Я не помню, рассказывал тебе или нет, но много-много лет назад я учился в Массачусетском университете на физическом факультете и долгое время жил в кампусе в одной комнате со студентом-биологом Того Новаком... Что? Да, его звали Того Новак... Умница ты моя, сразу поняла! Ну, конечно, это Огот Кавон в романе... да, имя Того Новак, прочитан-

ное наоборот. Так вот, Того был крайне неординарной личностью, он постоянно фонтанировал безумными идеями, но мне почему-то особенно запомнилась одно его изобретение – 3D принтер вирусов. На нем вирусы можно было бы просто распечатывать, а не долго и кропотливо синтезировать. Хотя, изобретением тогда это назвать было сложно, нужны были годы и годы, чтобы идея стала устройством. Годы и значительные финансовые вложения, коих тогда, конечно же, у студентов, живущих на стипендию, и в помине не было. Кому такой принтер был бы нужен? Ну, видишь ли, вирусы, например, используются для коррекции генетических сбоев в геноме, которые приводят к врожденным, наследственным заболеваниям. Они могут донести правильные гены до ДНК и вставить их вместо испорченных или вовсе отсутствующих. Но конструировать такие вирусы очень сложно, а главное – дорого! Идея Новака была хороша тем, что подобный принтер позволил бы быстро и недорого «распечатывать» нужные вирусы для коррекции самых разных заболеваний.

– А почему этот Новак стал у тебя в романе главным злодеем и напечатал на своем принтере нынешний вирус?

– Во-первых, в романе, как ты наверное поняла, так до конца и не выяснилось, кто же был главным злодеем, возможно, их было несколько, а, возможно, злодей был один и у него был... м-м... назовем его «подручный», который не осознавал, что делает...

– А! Подручный под внушением! Ну да, это я поняла, злобная эРВэ стерла память Кавону и заставила его создать вирус, который довел полпланеты до сумасшествия. Кстати, неужели это может оказаться правдой и я, если заболела, то сойду с ума и стану совершенно невменяемой и беспомощной? Б-р-р...

– Успокойся, девочка! То, что нынешний вирус может вызывать слабоумие – это совершеннейшая выдумка, а принтер вирусов я описал в романе для бóльшей убедительности, только и всего. Что касается Того... Честно говоря, я не знаю, что с ним произошло после выпуска. Мы общались с ним потом очень недолго, у него кто-то умер в семье... нет, не мать или отец, те давно уже погибли. Кажется, дядя, который его воспитывал после смерти родителей... В общем, наши пути давно разошлись, и я вспомнил о нем совсем недавно, когда на нас свалился нынешний вирус. Понимаешь, я говорил в начале эпидемии с несколькими вирусологами, и все они сомневались, что вирус с подобными свойствами мог появиться естественным путем, вот я и вспомнил Того и его принтер. Ну и придумал, что он якобы «распечатал» на этом принтере вирус, приводящий к слабоумию. Так что безумный вирус – это выдумка. Хотя, правильнее его было бы назвать «умным», пожалуй, поскольку...

– У-ф-ф! Хорошо, а то, знаешь ли, ходить под себя, забыв, где находится туалет, как-то совсем не прикольно, – успокоено выдохнула Джейн. – Ну ты и фантазер! За что, впрочем,

и люблю тебя страшно! Ну, всё, любимый, мне пора бежать, жду тебя в шесть.

Она дала отбой, а автор, откинувшись на спинку кресла, продолжил вспоминать, закинув руки за голову.

Не всё, ой не всё рассказал он Джейн. Впрочем, ни ей, никому бы то ни было и не стоило знать всю предысторию создания его романа. Это он неплохо знал Того и мог отличить реальность от его безумных идей и фантазий, другие же, особо впечатлительные индивидуумы, восприняли бы угрождения Новака как реальный апокалипсис, тьфу!, не апокалипсис, а конец света и побежали бы... А вот интересно, куда бы они побежали, запастись памперсами, что ли?

Он потянулся к ящичку письменного стола и, выдвинув его, достал открытку с видом нелепого старинного здания. Перевернув ее, он в который раз прочитал строки, написанные почти забытым почерком. «Не забыл еще наш университетский кампус и автора принтера вирусов? Если вспомнишь, то загляни ко мне как-нибудь, возможно у тебя появится возможность написать, наконец, что-то стоящее». Он еще раз убедился, что ни адреса, ни имени на открытке нет. Воспоминания о событиях, произошедших после того, как он получил открытку, вновь нахлынули на него.

///

Сначала он подумал, что это чей-то нелепый розыгрыш и какое-то время перебирал в памяти имена почти забытых

одноклассников, которые могли бы разыграть его. Но вскоре он понял, что вряд ли это была шутка одного из его бывших сокурсников – ни с кем из них он давно уже не общался, поэтому смысла в подобном розыгрыше не было никакого. Кто-то из его нынешних приятелей, собутыльников и случайных знакомых? Но никто из них не знал о его дружбе с Новаком, а главное – о его идеях. А то, что сам он ни с кем из теперешнего своего окружения ничем из своей студенческой юности не делился – в этом он был совершенно уверен. И провалами памяти он не страдал, даже после приличных возлияний.

Значит, открытку написал сам Новак. Но что заставило его прибегнуть к столь странному способу напомнить о себе человеку, которого он не слышал почти двадцать лет, а не видел и того более?

Вот потому-то и решил я тогда, что с Новаком произошло нечто из ряда вон, раз послал он мне сигнал бедствия. А в том, что это был сигнал бедствия, я, почему-то, даже не сомневался. Но и в этом послании Новак остался верен себе, не преминув поддеть меня, напомнив мне о некоторых моих поверхностных статьях и публикациях. Ну что же, значит не совсем уж приперли его с ножом к стене, раз подкалывает он меня, подумал я тогда, но все же решил навести справки о своем бывшем товарище. В конце концов, надо же было узнать, где его искать, потому как в гости пригласил, а адреса почему-то не оставил.

Однако истинная причина моих поисков была в другом,

нехотя признался себе автор. Вряд ли я стал бы разыскивать его, если бы не нынешняя эпидемия. Эпидемия, вызванная вирусом с каким-то дикими свойствами – заболеваемость колоссальная, но умирают немногие, так, два-три процента. Правда, переносится заболевание достаточно тяжело – температура, кашель изнурительный, а главное, спутанность сознания, которая, впрочем, довольно быстро проходит. Непонятно... Да еще выяснилось, что мутирует эта тварь с такой скоростью, что вакцину против нее синтезировать практически невозможно. Вот тут-то я и вспомнил о его принтере вирусов (точнее он сам мне о нем напомнил) и подумал, а не Того ли приложил к этому руку? С него могло стать синтезировать подобного паразита и выпустить его на волю. Но зачем? И, главное, как? Неужели ему удалось-таки создать прототип? Но где он нашел средства? Банки, инвестфонды, фармконцерны? Теми же самыми вопросами я мучился и тогда, но ответов на них так и не нашел...

В общем, задело это меня сильно и бросился я искать следы Новака и хоть какие-то упоминания о нем в сети.

И что же мы тогда выяснили? А выяснили мы, что картина сложилась совсем безрадостная и местами даже удручающая. У Новака неудачно сложилась жизнь (опять банальная фраза, бумагомаратель!). Его идеи не были востребованы, он безрезультатно перебирал инвесторов и фармкомпаний, в надежде продать им права на изобретение и прототип устройства. В конце концов, прототип-то ему создать уда-

лось, а вот мне, выяснить, где и как он нашел средства на его создание – нет.

В итоге, Новаку удалось, как ни странно, заинтересовать одного из фармгигантов – Эрджиэф Сьютэбл Драгс, – однако, насколько он мог судить, испытания прототипа прошли неудачно, и компания отказалась от сотрудничества с Того. Правда в этом месте истории о похождениях Того Новака и его детища был некий пробел – подробных сведений об испытаниях и о дальнейших взаимоотношениях автора изобретения и Эрджиэф не сохранилось. И пресс-релизы, относящиеся к этому промежутку времени на сайте Эрджиэф почему-то тоже отсутствовали. Как бы то ни было, пристроить свое детище Новаку не удалось, что еще больше усугубило его психическое состояние.

Автор поднялся с кресла и, потянувшись, вышел из кабинета, на ходу разминая спину, затекшую от долгого сидения с закинутыми за голову руками.

Так, уже четыре, через пару часов надо ехать за Джейн, а заодно закинуть Салливану экземпляр романа. Черт! Его же надо еще отредактировать и распечатать... А, ладно! Редактировать это забота Салливана, а мне надо только распечатать. Сколько времени уйдет на печать трехсот страниц? Вот, те же два часа и уйдет, так что принимайся-ка ты уже за дело.

Но мысли автора снова вернулись к событиям годичной

давности. Дела у Новака шли все хуже и хуже, и больше всего это отразилось на его психическом состоянии. Неудача за неудачей в течение многих лет привели Новака к частичному помешательству, в результате чего он время от времени проходил курсы лечения в психиатрических клиниках. В промежутках между ними он проводил некоторое время в семье, а затем вновь возвращался в лечебницы.

Да, у него, как ни странно, была семья – жена и десятилетняя дочь, которую звали... как же ее звали... ну, вот, забыл. Судя по обрывкам информации, которую мне тогда удалось собрать, он их очень любил и относился к ним с трогательной заботой, особенно к дочери. Такое отношение, пусть даже и к близким людям, было совершенно нетипичным для Новака, особенно учитывая его состояние, подумал я тогда. А уж я-то имел возможность познакомиться с его тогдашним состоянием. Особенно в том видео, который Новак записал в качестве одной из презентаций своего изобретения. Собственно, просматривая ролик в первый раз, я о самом прототипе устройства так ничего и не узнал, точнее просто забыл о нем, настолько поглотила меня картина психически неуравновешенного человека, находящегося в состоянии чудовищного стресса.

Перед глазами автора опять промелькнули кадры видеопрезентации, которую он нашел год назад в сети. Того был неприятно суетлив, он ни секунды не находился в равнове-

шенном состоянии. Постоянный поток беспорядочных мыслей и явная болезненная тревожность приводили к тому, что он тратил время, отведенное для демонстрации своего детища, на попросту бессмысленные действия. Он то брался наводить порядок на столе, то, вспомнив, что должен показать, как работает прототип, бросался к нему, начиная что-то настраивать, бесцельно открывая и закрывая клапаны и крышки на нем. То, вдруг, начинал истерически копаться в многочисленных неряшливых папках в поисках данных, подтверждающих его слова. Где-то в последней трети ролика, Новак окончательно утратил самообладание, речь его стала сбивчивой – он буквально захлебывался словами, стараясь как можно скорее вытолкнуть их наружу. Безумно горящие глаза на постоянно подергивающемся лице дополняли картину человека, доведенного до крайней степени отчаяния.

И подумал я тогда, что, судя по всему, развязка уже близка, не может человек доведенный до подобного состояния, спокойно закончить свои дни. Что-то ужасное обязательно должно было произойти – или себя он убьет, или еще кого-нибудь. И это произошло...

II

А произошло вот что...

Пронзительный дребезг смартфона оторвал автора от воспоминаний. Он недовольно посмотрел на смартфон, лежащий на кухонном столе и, поставив кружку, взял его в руку, раздумывая, отвечать или нет. Ну ладно, все равно ведь не отстанет, придется ответить.

– Алло! Здравствуй, Мэй! Как дела, как там Сара?

– У Сары все хорошо, а вот у меня обнаружили вирус. И спасибо, что поинтересовался моим здоровьем!

– Ну извини, это был бы мой второй вопрос, если бы я только успел его задать.

– Ага, несомненно бы задал, если бы у тебя осталась хоть капля внимания ко мне... Но ты, конечно же, полностью его истратил на очередных девиц, нисколько в этом не сомневаюсь! Как там поживает твоя тощая подружка, слышала ты ее к Салливану пристроил?

Так и знал, не надо было брать трубку! Теперь эту бодягу придется час расхлебывать, а мне еще рукопись... м-м... распечатать надо. И какого черта она каждый раз заводит эти разговоры, разошлись ведь три года назад, а она все никак не угомонится. И разошлись ведь по её инициативе, точнее, из-за её очередного приступа бешеной ревности, когда и по-

вода-то для неё не было.

Ну да, он погуливал иногда, нет, не часто, так, время от времени, ну, может быть раз в год позволял себе увлечься очередной восторженной поклонницей его писанины, но так, чтобы всерьез подумывать о том, чтобы уйти от Мэй – нет, никогда! А тот случай, который привел Мэй к окончательному помешательству, вообще был смехотворен...

Ну да, набрались мы тогда с Бобом и Воном у Цукербергов прилично, я в полной отключке был. Вики привезла меня домой на такси, ну тоже изрядно пьяная была, как мне потом доложили, но ничего же не было, ничего! По крайней мере, в тот раз... А Мэй как с цепи сорвалась: на шофера наорала, на Вики набросилась, блузку ей порвала, едва не задушив. На следующее утро погрузилась с Сарой в пикап и уехала к родителям...

– Алло, ты что, опять отключился?! Ну точно, опять с подружкой всю ночь развлекался и отрывки ей из своих бульварных романов зачитывал!

– Да здесь я, здесь. Ты что звонишь, что-то узнать хотела? Извини, я тороплюсь, надо срочно закончить рукопись и отвезти ее Салливану.

– Ну да, рукопись отвезти, а подружку привезти! – она зло подышала в трубку. – Ладно, я не за тем звоню, чтобы поругаться. У тебя нет новостей о вирусе, вакцинах, каких-нибудь прогнозах? Насколько я помню, ты дружил то ли с ге-

нетиком, то ли с вирусологом из Эрджиэф... Забыла, как его имя?

– Дрбпарт. Майс Дрбпарт. Но мы не дружим, так приятельствуем, выпиваем иногда. Новостей нет – вирус угрозы для жизни практически не представляет, последствия заболевания быстро проходят, вакцины пока нет, и вряд ли в ближайшее время появится. Когда у тебя обнаружили вирус?

– Вчера пришел положительный ответ. Сара сегодня сдала тест, результат будет завтра. Но я чувствую себя вполне прилично, даже температуры нет, так, слегка подташнивает, мысли иногда путаются, вот, пожалуй, и всё... Знаешь, мне в общем-то плевать, что ты и как ты, какие у тебя там девицы и романы, – неумело попыталась соврать она. – Но прошу тебя, вспоминай о Саре почаще, она очень скучает по тебе, все время спрашивает, почему папа не приезжает...

Так мне и надо! Какая же я и впрямь скотина! Когда я говорил с Сарой в последний раз? А видел ее? Он вспомнил, как она потеряно смотрела из окна гостиной, когда он уезжал из дома родителей Мэй полгода назад. Ну да, с того времени я её больше и не видел. Завтра же... м-м... нет, через пару дней, после того как согласуем в редакции правки, выезжаю к Саре!

– Извини, я действительно подонок, зашился совсем с этим романом, но, знаешь, в этот раз получилось что-то стоящее. Через пару дней закончу его править и сразу выезжаю к вам!

– Ну-ну, блажен, кто верует. Ладно, я скажу ей, но чересчур обнадеживать не буду.

Он дал отбой и некоторое время смотрел на потухший экран смартфона, представляя, как он собирается и едет к Саре. Для Джейн надо будет что-то придумать, как-то объяснить, зачем и куда я еду... Почему-то говорить ей правду не хотелось, хотя она, конечно же была в курсе того, что у него есть жена и дочь, которую он время от времени навещает. Её или их? Станет Джейн подозревать, что я не только к дочке еду? Она может... И совершенно напрасно! Ничего нас с Мэй уже не связывает, облажалась та ведьма, зелье плохо сварила, лет на десять его только и хватило. Ладно, это потом, сейчас надо срочно распечатать чертов роман и ехать за Джейн... Вот, пожалуйста, ехать за Джейн, а не в издательство, чтобы отвезти роман – права ведь бывшая.

Он поставил чашку с остатками кофе в раковину и вернулся в кабинет, намереваясь включить принтер и засунуть в него стопку чистых листов бумаги. Но мысли его упорно возвращались к событиям годичной давности, случившимися после неожиданного воскрешения Новака. Что же произошло после неудачных испытаний прототипа его устройства?

///

А произошло вот что...

Несколько лет назад Новак фактически убил свою жену и

дочь, сев пьяным за руль и съехав с шоссе в кювет на небольшой, в общем-то, скорости. По нелепому стечению обстоятельств, жена и дочь погибли, придавленные крышей перевернувшегося пикапа, а он не получил ни единой царапины. После этого несчастного случая Новак окончательно тронулся умом (вот и еще один штамп, автор!) и... исчез.

Да, сказал себе автор, именно исчез, и некоторое время о нем ничего не было слышно, а потом в Пенсильвании началась эпидемия той странной кори. Почему странной? А потому, что у инфицированных, наряду с обычными для этой болезни симптомами (сыпь пигментация, кашель и лихорадка), появился новый симптом – спутанность сознания, которая раньше, при «классической» кори, никогда не наблюдалась.

Вот тут-то и возник Новак, объявив в эфире одного из местных телеканалов, что это именно он синтезировал и выпустил на волю вирус псевдокори. Конечно, никто не поверил его заявлению, тем более что Новак категорически отказался сообщить, как ему удалось создать свой вирус. Помнится, в этой истории опять засветилась Эрджиэф. Ее представитель в одном из выпусков убедительно развенчивал заявление Новака, заявив, что ничего подобного современные технологии генного модифицирования создать не могут.

Ага, и я тогда еще подумал, что имя этой компании уже не первый раз упоминается рядом с именем Новака, что-то чересчур часто они пересекаются, чтобы считать это простым

совпадением... И нашего героя опять уpekли в психушку, но на этот раз окончательно. Как она там называется? А, точно – клиника для душевнобольных Бэйбери! Хотя это я тогда думал, что окончательно, но действительность превзошла все мои ожидания... И я, выяснив, что мы, оказывается, теперь с ним соседи – психушка в пригороде Филадельфии, всего в часе езды от меня, – решил его навестить. Тем более, что он сам любезно пригласил меня в гости. Угу, пригласил на вечеринку в сумасшедшем доме. Да! То здание на открытке оказалось приютом для умалишенных, в котором и держали Новака. Помнится, я как раз ехал через те самые заброшенные склады разорившейся автомобильной компании в Блэквуде. Впрочем, тогда я еще не знал, что они те самые.

В клинике чертовски милая медсестра поведала мне, что пациента по имени Того Новак у них нет и никакими сведениями о нем администрация не располагает. Ну надо же, не располагает! Потребовалось минут двадцать приятной беседы с хорошенькой брюнеткой, обнадеженной перспективами продолжения знакомства где-нибудь в полутемном баре, чтобы нарисовать следующую картину.

Год назад Новак каким-то образом сбежал из лечебницы и, судя по всему, ему кто-то в этом помог (в этом месте рассказа медсестра была как-то невнятна и старалась поскорее перейти к следующей части своего повествования). А ещё через полгода полиция обнаружила сильно обгоревший труп в одном из заброшенных ангаров на территории тех самых

складов. По некоторым признакам труп удалось идентифицировать как труп Того Новака. Кроме трупа, в ангаре также нашли части какого-то электронного устройства, сильно поврежденные огнем, поэтому определить его назначение не удалось.

А ангар кому принадлежит? Ах, конкурсный управляющий им распоряжается после банкротства автомобильной компании! И как он им распорядился? Ах, он сдал его в аренду человеку по имени Огот Кавон! И откуда хорошенькой сиделке известны такие подробности? Ну, конечно же! Ее сестра спит с помощником местного шерифа, а у того секретов от своей подружки нет и никогда не было.

Помнится, в этом месте рассказа, я как-то нехорошо напрягся – значит Новаку удалось-таки запустить принтер, создать и выпустить на волю нынешний вирус? Но зачем? Почему именно такой, относительно безвредный вирус, который и убить-то толком никого не может? Или он оказался нестабилен и во внешней среде сразу же мутировал и издох, утратив свои когти и зубы?

Но затем игривая медсестра удивила меня еще больше, поведав, что незадолго до побега, Новака навещали представители некоей компании, судя по всему, фармацевтической. Почему именно фармацевтической? Ну, мне ли не знать их, мистер! Они ходят к нам регулярно, все их повадки мне хорошо известны! Вот так-так, подумал я тогда, а не Эрджиф ли тогда опять проявила к нему интерес, точнее не к нему, а к

его устройству? Выходит, у Новака был действующий принтер, который он опробовал, создав вирус псевдокори, а компания это поняла слишком поздно, только когда его упекли в психушку?

Медсестра была настолько мила, что даже поведала мне о вещах Новака, которые администрация продолжала за-чем-то хранить, вместо того чтобы их утилизировать, как полагалось делать в подобных случаях. В каких именно случаях? Ну, например, когда их бывший пациент подрывается на своем устройстве в брошенном ангаре неподалеку от лечебницы... Да, медсестра была очень и очень мила, жаль, что тогда я был настолько ошарашен, прочитав записи Новака, что мигом забыл и о её прелестях, и вообще обо всем на свете.

Но это было потом, а до того, я...

///

Смартфон вновь завибрировал и соскользнув с края стола, упал на стопку бумаг на полу, где продолжил глухо биться в конвульсиях. Да чтоб тебя, ну что у меня сегодня, присутственный день, что ли?!

Но это оказался Вон, которого Николас никак не ожидал сейчас услышать.

Опять фраза из романа, надо же как он во мне засел, того и гляди начну абзацами цитировать! Поинтересоваться, что ли, какого уровня у него похмелье, мысленно усмехнулся он. Хотя сейчас Вон был, пожалуй, и кстати. Пора было уже проверить основную идею романа на предмет уязвимо-

сти со стороны вьедливых критиков-читателей.

– Привет, Вон! Ты уже в городе, когда вернулся?

– Вчера днем прилетел. Вечером заехал к Цукербергам, тебя вспоминали, звонили весь вечер, но ты упорно игнорил нас. А зря! Неплохо вчера оттянулись, я абсент хороший привез, настоящий, из Чехии. Тот, который бравый солдат пил, помнишь?

– А как же! «Пил абсент, свинья!»

– Нет, это из Ремарка, – рассмеялся на том конце Вон. – Но идеально подходит ко вчерашней вечеринке – нажрались как свиньи. Впрочем, как и всегда, правда без тебя... О! Звучит как стих! Так ты что, вчера опять от своей молоденькой подружки оторваться не мог?

– Нет, хотя, если бы была такая возможность, то ни за что бы не оторвался. Роман заканчивал, сегодня Салливану отвезу распечатанный экземпляр.

– Этот динозавр по-прежнему признает только печатный формат?

– Ну да, Джейн уже прошла сегодня по этому поводу, заодно и меня поддела... Слушай, раз уж речь зашла о романе, я давно хотел тебя спросить... Вот, представь, что кто-то, очень талантливый, изобрел некое устройство для создания вирусов с заданными свойствами, а потом сошел с ума... Или он сначала сошел с ума, а потом создал устройство. Ну, не важно в какой последовательности это произошло. Так вот, смог бы он синтезировать на этом устройстве некий ви-

рус и устроить нынешнюю эпидемию? Зачем? Ну, скажем, он хотел таким образом отомстить человечеству за свое сумасшествие. Правда это только в том случае, если он сошел с ума до, а не после... Да! Я самого главного не сказал. Он бы сконструировал вирус, который не просто приводит инфицированных к заболеванию с неким набором симптомов, а вызывает слабоумие. Каким образом? Ну, допустим, вирус кодирует белки, которые являются причиной Паркинсона или Альцгеймера... Да, это сюжет моего романа, ну, не весь сюжет, но его центральная часть... Вот как ты думаешь, как бывший биолог, возможно такое или нет?

– Во-первых, что за инсинуации по поводу «бывшего» биолога?! Бывших биологов, равно как физиков, химиков и тому подобных не бывает! Мы все ныне здравствующие и действующие! Что касается твоего вопроса... Не знаю, с ходу так сложно оценить, идея уж очень необычная... Хотя, теоретически это возможно, но точно не сейчас, поскольку таких технологий пока не существует, я в этом уверен, поскольку мониторию подобные исследования постоянно.

– Ну, ладно, люди пока этого не придумали, но, возможно кто-то им внушил как сделать устройство, на котором можно...

– О, нет! Опять ты со своей Равновесной Вселенной! Мы уже сто раз обсуждали эту идею, и ты вроде бы согласился, что она слишком вычурна, чтобы её можно было рассматривать в качестве обоснования загадочных явлений – бритва

Оккама, милый мой! Потом, где доказательства столь низкого коварства вируса – кто-то уже сошел с ума и ходит под себя?

– Ну нет, еще не ходит, но спутанность-то сознания налицо, практически у всех инфицированных...

– Дорогой мой, что такое спутанность сознания по сравнению со слабоумием? Так, пшик, к тому же, быстро проходящий. Нет, забудь ты эту идею, хотя... Хотя для романа она вполне сгодится, читателю понравится такой сюжет – коварная ЭрВэ под покровом ночи проникает в мозг изобретателя, находящегося на грани помешательства и садистки внедряет в его подкорку идею создания паразита, который сведет с ума всю планету, – загробным голосом продекламировал Вон.

М-да, аналитик ты гениальный, а вот писатель из тебя, как из дерьма граната, скривился автор.

– Ну ладно, ладно! То есть ты считаешь, что нынешний вирус никто искусственно синтезировать бы не смог, так? Хорошо, я понял... Спасибо, что хоть одобрил как идею романа... Да не обиделся я... нет, несколько. Моя гордость творца пока не затронута, ты же не читал еще роман... Хорошо, я выложу его в облако, а ссылку тебе пришлю... Слушай! Мы с Джейн хотим сегодня отметить завершение моего опуса, не хочешь к нам присоединиться? Заодно и с ней познакомишься... Где? Да в том баре около издательства, где мы как-то с Салливаном выпивали, помнишь? Ага... Хорошо, подтягивайся туда к семи... Пока.

Автор положил смартфон на стол рядом с ноутбуком и покосившись на пустой принтер, вспомнил одну из своих последних фраз.

Что он сказал Вону о гордости творца? О! Отличный слоган будущего фильма вырисовывается – лишить способности творить творение Творца! Это о ком? А, ну да, о слабоумных, которые потеряют способность не только творить, но даже и под себя ходить. Боже, как пафосно, а главное, опять жутко вычурно – бритва Оккама, дружок!

Он снова посмотрел на часы, безнадежно отметив, что до встречи с Джейн остался час и, следовательно, заправлять принтер уже ни к чему.

///

Так, на чем я остановился? А! На том, что по какой-то причине, я вмиг забыл о прелестях очаровательной сестры милосердия в юдоли скорби и печали. А забыл я потому, что нашел в вещах, оставленных Того в клинике, его заметки и размышления о том, как должен выглядеть будущий вирус и какими разрушительными свойствами он должен обладать. Особенно меня поразила, помнится, даже не особенность вируса запускать у инфицированных деменцию. В конце концов, любой вирус производит множество белков в процессе своей жизнедеятельности, поэтому одним белком больше, другим меньше –какая разница? Но то, что вирус должен приводить индивидуума к полной умственной дегра-

дации в зависимости от уровня интеллекта, этого я даже вообразить себе не мог! А главное – как Новак узнал о существовании «умного» фермента?!

И вот тут как нельзя более кстати пришла теория Равновесной Вселенной, кто же еще, как не госпожа ЭрВэ, могла знать о нем. Все выстраивалось настолько логично, что иного объяснения, и нынешней пандемии, и необычных свойств вируса, и трупа рядом с обгоревшими частями некоего устройства и придумать было нельзя. Кроме одного...

Было еще одно возможное объяснение, нехотя признался себе автор – Новак просто мог все это выдумать в горячечном бреде. А затем, уверовав в свои бредни, слепить какой-то гаджет, представлявший ему синтезатор вирусов, и потом подорваться вместе с ним в арендованном ангаре во время неудачных испытаний по причине... э-э... несоблюдения элементарных правил техники безопасности.

Ну и обуглиться затем до состояния полной неузнаваемости, также как Трoпард в моем романе. В твоём романе?

Автор недовольно поморщился, представив ту часть воспоминаний, к которой ему предстояло перейти. А перейти придется – вспоминать, так вспоминать...

Да, среди записей Того, я нашел наброски будущего романа, и романа очень талантливого. Написано было увлекательно, да что там, просто захватывающе, помнится я пару часов читал не отрываясь, пока сестра милосердия ходила вокруг

меня, намекая, что ее смена вот-вот закончится. И набросками это назвать было сложно – Того написал практически большую часть романа. Я лишь дописал последнюю часть, в которой главный герой теперь воссоединяется с семьей (ну как же обойтись без хэппи энда!), да слегка подправил имена некоторых персонажей. Кстати, а чем у Новака завершился роман? Но, по-моему, там вообще не было концовки...

Он торопливо встал с кресла и покопавшись в карманах, достал ключ, похожий на ключ от камеры хранения. Он подошел к висящей у окна репродукции «Мерцающей субстанции», снял ее со стены и вставил ключ в замок сейфа, обнаружившийся за картиной.

Очень, кстати, символичное название, как я раньше этого не замечал? Так, где же это, где... А, вот! Ну да, роман Новака заканчивался разговором Салливана с главой его службы безопасности, больше там ничего не было. Автор положил бумаги обратно, закрыл сейф и задумчиво вернул Поллока на стену.

Да украл ты роман, украл, признайся уже наконец, хотя бы самому себе!

Себе признаться как раз сложнее всего, нежели кому-то ещё, слабо сопротивлялся автор. Да и что толку в этом признании, Новака-то уже давно нет – сгорел, как говорится, с вещами в сарае. И потом...

Он опять достал открытку и прочитал заключительные

слова «... у тебя появилась возможность написать, наконец, что-то стоящее». Ну, конечно! Что это, как ни прямой призыв использовать его наброски, чтобы написать хороший роман, продолжал обманывать себя автор. В любом случае, Новаку уже все равно, никого из близких у него не осталось, так что... Если, конечно, это Новак сгорел в том ангаре.

Автор помотал головой, пытаясь избавиться от картин похищения неопознанного трупа из морга и перемещения его в багажнике минивэна на территорию заброшенных складов.

Что за черт, зачем этот розыгрыш понадобился Новаку? Конечно, сгорел сам Новак, проводя испытания своего принтера, а мне оставил рукопись будущего бестселлера. Да, но кто в таком случае синтезировал вирус псевдокори? Да никто его не синтезировал, просто произошла необычная, пусть чрезвычайно редкая, но естественная мутация. И мы даже можем допустить, что история вирусологии подобных примеров еще не знала.

А истинный талант у Новака был, пожалуй, писательский, и если мой роман не получит Букера или, в крайнем случае, Пулитцера, то тогда я ничего не смыслю в литературе.

Ладно, пора собираться и ехать за Джейн, а распечатанный экземпляр романа передам Салливану завтра утром – придется сегодня ночью посидеть за принтером.

Роман Новака

1

Солнце неспеша добралось до середины окна, где лениво остановилось, нагревая мокрую от слюны подушку, придавленную отекающей щекой Николаса. «Вот же ж! – с негодованием выдохнул Николас, – на большее его усилий не хватило. – Прямо по глазам!». Это негодование тут же отозвалось резью в глазных яблоках, и тошнотворная волна начала подниматься в нем, забираясь все выше и выше. Точнее переливаясь все дальше и дальше, поскольку он, очевидно, находился в горизонтальном положении. Он затих на некоторое время, ожидая, когда пройдет очередной приступ дурноты и попытался сориентироваться в пространстве. О времени лучше пока и не думать, само придет, когда пойму, где я и зачем, решил он.

С трудом разлепив глаза, он осознал, что лежит около собственной кровати в нелепой позе сраженного наповал ударом бейсбольной биты в затылок. «Немного не дотянул, – с сожалением отметил Николас». Подушка, припомнил он, валялась на полу у ножки кровати со вчерашнего утра и ему удалось рухнуть на нее головой довольно удачно.

Судя по значительному тремору конечностей и запаху сточного колодца изо рта с явными нотками абсента, он на-

ходилась в состоянии похмелья, однако не настолько тяжело, чтобы отключиться еще часа на полтора. Солнце наконец-то сдвинулось с мертвой точки и спасительный полумрак вновь накрыл его, позволив фрагментам воспоминаний сложиться в некое подобие цельной картины.

Так, утром заехал Бобби, привез дрель, которую взял на пару дней месяца два назад... не то, дальше... А! Борис написал, что прилетели Цукербёрги и неплохо бы нагрнуть к ним экспромтом. Давно их не видели, свалимся им на голову, они точно обалдеют – ну, как всегда, в своей обычной манере.

Николас перевалился на живот и с трудом подтянув колени к пупку, встал, пошатываясь, на четвереньки. В этой позе он некоторое время пытался сохранить равновесие, поэтому воспоминания о вчерашних событиях временно отошли на второй план. «Волю в кулак!» – прохрипел он в попытке встать на ноги, но это лишь привело его к очередному приступу тошноты. Некоторое время ушло на путь в ванную и на несколько неудачных попыток стянуть с себя мятые джинсы в зеленовато-липких пятнах – ну точно, абсент! В конце концов ему удалось заключительный бросок (скорее неуклюжий перекат) через край ванной. Это физическое упражнение внезапно отозвалось резкой болью в боку. «Черт, неужели ребро сломал?» – похолодел Николас.

Некоторое время он осторожно вдыхал и выдыхал теплый влажный воздух, замирая от кинжальных приступов боли на

вдохе и облегченно расслабляясь на выдохе. Вердикт был неутешительным – судя по интенсивности и локализации боли сломано вполне могло быть и два ребра. Наконец, расслабившись, и сидя в блаженной позе нимфы под струями водопада, он сосредоточился на событиях вчерашнего вечера.

Итак, они с Борисом нагрузились спиртным, пакетами с закусками и ввалились к Цукербергам. Микаэль с Лолой и впрямь только что прилетели – в проходах между мебелью громоздились частично опустошенные чемоданы, наспех стянутая верхняя одежда свисала с кресел и дивана. Играла музыка – Марк Нопфлер в очередной раз громко допытывался, есть ли кто-нибудь дома у Элвиса. В соседней комнате завывал в очередном диспуте Вон и сладко тянуло запахом заряженного по полной кальяна. Чертов Вон! И как ему всегда удается узнать, где и когда соберётся прилично пьющая компания, недовольно скривился под горячей струей Николас. Впрочем, вчера он даже обрадовался присутствию Вона, поскольку ему наконец-то представилась возможность выложить тому шикарную идею, которую он вынашивал после того, как узнал на прошлой неделе о белках-убийцах. Черт! Название какое-то нескладное – белки-убийцы, – как в скверной постановке о грядущем конце света... Ну, ладно, пусть пока эти белки побудут убийцами. Значит я с ним сцепился... А что потом? Но картину вчерашних подвигов вновь заволокло зеленоватой мглой и Николас решил, что

пора перейти ко второму этапу возрождения – залить в себя пару кружек колумбийской арабики.

Идея-то, собственно, была не его – ее высказал, кажется, кто-то из русских фантастов. Николас же попытался переложить её на нынешнюю ситуацию с вирусом, который уже больше года гулял по планете. Станный это был вирус – несмотря на то, что распространялся он с чудовищной скоростью и был заразен до чрезвычайности, большинство инфицированных достаточно легко переносили болезнь, а недомогания напоминали симптомы обычной простуды. Единственным отличием от банальной ОРВИ было то, что у заболевших возникала спутанность сознания и, как они выражались, «мозговой туман». Правда эти симптомы обычно исчезали через месяц-другой, так что особого внимания подобным расстройствам эпидемиологи и вирусологи не уделяли.

По пути на кухню, Николас Саймс – научный обозреватель популярного естественнонаучного издания *Нейчеэндас*, – вновь вспомнил подробности недавней встречи с Саймом Трбпардом. Встреча с ведущим вирусологом гиганта фармацевтической индустрии Эфджиар Фармасьютикалс планировалась по случаю успешного завершения испытаний противовирусной вакцины, которую компания разработала буквально за три месяца после появления первых случаев заражения. Николас более двух недель добивался от Трбпарда

согласования времени встречи, но тот постоянно избегал ее, ссылаясь на чудовищную занятость. В тот момент, когда Николас уже решил было отложить встречу на неопределенное время, Тропард неожиданно сам позвонил в редакцию и попросил Николаса приехать в лабораторию как можно скорее.

///

После обмена приветствиями, Трбпард, вместо обычного интервью в режиме вопрос-ответ, предложил Николасу небольшую экскурсию по лаборатории. Бродя между столами, заставленными реактивами, центрифугами и прочими колбами-гаджетами и комментируя, время от времени, увиденное Николасом, он неожиданно спросил: «Что вы знаете о вирусах и принципах их жизнедеятельности?»

– О вирусах? Даже не знаю... Кажется, вирусы не имеют клеточной структуры – это просто молекулы РНК, которые встраиваются в клеточную ДНК, а затем копируются вместе с ней. Так, по-моему, вирусы и размножаются, – подытожил свои скудные познания в этой области Николас.

Сайм помолчал, задумчиво глядя на Николаса.

– В общем, верно, но есть существенное уточнение – вирус это не только молекула РНК, а еще и белковая оболочка, которая, и защищает молекулу РНК, и помогает ему пробраться в клетку. При воспроизводстве белковая оболочка нового вируса синтезируется уже внутри инфицированной клетки.

– Очень интересно, доктор, но какое это отношение имеет

к столь быстрому распространению вируса и довольно странным симптомам заболевания? Я имею в виду... э-э... спутанность сознания, например.

Доктор сделал несколько шагов в сторону двери, потом резко развернулся и махнув рукой, как будто наконец решившись, воскликнул:

– Насчет быстрого распространения не знаю! А вот, что касается последствий... Дело в том, что я обнаружил нечто невероятное в структуре нынешнего вируса, а именно в его способности кодировать некий новый белок.

– Белок оболочки? – не понял Николас.

– Вовсе нет! – доктор сел в кресло около письменного стола, жестом предложив журналисту последовать его примеру и занять лабораторный стул напротив. – Этот белок, точнее белки, не являются функциональной частью вируса и не нужны ему ни для защиты, ни для проникновения в клетку.

– А для чего они ему?

– Расскажу чуть позже, для этого я, собственно, и просил вас приехать. Но сначала еще один вопрос. Что вам известно о болезнях Паркинсона и Альцгеймера?

– О чем? Боюсь, в этой области мои познания еще более скудны, нежели в вирусологии. Знаю лишь, что это заболевания, которые проявляются деменцией, потерей памяти, нарушением речи, неспособностью себя обслуживать... Да! И они в конечном итоге, приводят к смерти. А, что, наш вирус приводит к Альцгеймеру и Паркинсону?

– Не спешите, – улыбнулся доктор. – Вы довольно точно описали симптомы, правда свалив их в одну кучу. Однако я имел в виду, что вам известно о причинах, вызывающих эти состояния?

– Увы, практически ничего, если не считать что-то смутно приходящее на ум, вроде белковых бляшек.

– Уже неплохо, бляшки, действительно, есть в списке. Так вот, и то, и другое заболевания относятся к нейродегенеративным, при которых либо поражаются нейроны, вырабатывающие дофамин (это Паркинсон), либо образуются амилоидные пептидные бляшки (это Альцгеймер). В случае Паркинсона нейроны разрушаются, скорее всего, тоже каким-то белком, – задумчиво закончил краткую лекцию доктор.

Николас некоторое время осваивал полученную информацию, смутное беспокойство охватило его:

– Доктор, неужели вы хотите сказать, что новый вирус производит белки, которые подобно Альцгеймеру и Паркинсону поражают наш мозг?

– Именно! Вы неожиданно быстро ухватили суть моего открытия, иначе его и не назовешь. Вирус кодирует наборы белков, которые способны, и образовывать амилоидные бляшки, и накапливаться в нейронах, и бог его знает, что еще. Иными словами, вирус способен вызывать СЛАБОУМИЕ у инфицированных. Хотя какое там – способен! Он его и вызывает, я сам наблюдал расстройства психики у некоторых из первых переболевших, хотя и не соотносил это

тогда с последствиями вирусного заражения. Должен признаться, что в рамках того оборудования, которым я располагаю, дальнейшие исследования свойств белков-убийц затруднительны. Я планирую в ближайшее время передать материалы, которые я собрал, в Центр геной инженерии Стэнфорда для дальнейших исследований.

– Всё, о чем вы рассказали, доктор, звучит настолько фантастично, что поверить в это можно лишь с большим трудом. Честно говоря, если бы у меня за плечами не было физического образования и массы невероятных материалов за годы работы научным обозревателем, я заподозрил бы в вас человека не вполне... м-м..., – замялся Николас.

Он помолчал, бесцельно передвигая по столу карандаш и пытаясь привести в порядок мысли.

– Ну же, договаривайте! Не вполне вменяемым, хотели вы сказать? Ну что же, я разделяю ваше отношение к сказанному мною, Николас – позвольте мне вас так называть, – я и сам вряд ли бы поверил, если бы услышал подобное. Однако, я несколько раз повторил тесты, неизменно получая один и тот же результат – вирус производит ненужные ему белки. И эти белки разрушают интеллект человека, если угодно.

В лаборатории повисла тишина, прерываемая лишь звуком перекатываемого по столу карандаша и стуком капель в мойке для лабораторной посуды.

– Ладно, доктор, предположим, что так оно и есть, но почему мы не видим результатов столь коварного вторжения

белков? Что-то не видно на наших улицах толп слабоумных...

– Здесь всё просто. Необходимо время для того, чтобы эти белки накопились в мозгу и начали разрушать нейроны, производящие дофамин. Не забывайте, что нейродегенеративные заболевания, приводящие к слабоумию, развиваются не один год – скрытый период может длиться несколько лет.

– Ладно, допустим, что вирус начинает производить эти белки, когда попадает в клетку. Но ведь наш организм, в конце концов, побеждает вирусы, а значит белки, которые поражают наш мозг, уже не должны производиться внутри нас, – недоумевал Николас.

– Вот здесь-то и кроется главная опасность этого вируса! Конечно, наш организм научился избавляться от вирусов – он уничтожает клетки, пораженные им, или включает внутриклеточные механизмы уничтожения, аутофагию, например... Но этот вирус оставляет некоторые фрагменты своей РНК в нашем геноме навечно. И именно эти фрагменты кодируют белки, которые приводят к слабоумию! Да, этот вирус не первый и не последний, с которым нашим клеткам пришлось познакомиться – в нашем геноме полным-полно кусков геномов вирусов, которые когда-то встроились в нашу ДНК. Однако все они с тех пор... э-э... «спят», если можно так выразиться, и никак не дают о себе знать, в отличие от фрагментов нынешнего вируса. Налицо парадоксальная ситуация – вирус побежден (никакие тесты его уже не выявля-

ют), а белки-убийцы интеллекта продолжают синтезироваться.

– Ладно, допустим, что так и есть, но зачем вирусу понадобилось производить белки-убийцы интеллекта, если они ему не нужны для воспроизводства... Какие мутации привели к этому?

– Да в том-то и дело, что никаких мутаций не было! Способность вируса производить функционально ненужный ему белок никак не могла появиться естественным путем – это результат направленного генного модифицирования!

2

Наливая горячий кофе в кружку, Николас невольно поёжился, вспомнив заявление Сайма об искусственной природе вируса. Перспектива превратиться в беспомощное существо в течение ближайших лет была настолько удручающей, что Николас несколько дней после встречи с Саймом находился в состоянии полной прострации. Он не выходил из дома и не отвечал на телефонные звонки, пытаясь найти доводы, опровергающие выводы Тропарда. Картина будущей регрессии усугублялась еще и осознанием того, что слабоумие в скором времени накроет большинство населения планеты, поскольку распространение нового вируса было поистине ошеломляющим. По оценкам вирусологов, до девяноста процентов населения планеты должно было быть неминуемо инфицировано. Картина миллиардов слабоумных индивидуумов, медленно угасающих в собственных нечистотах, была настолько невыносимой, что он засел на несколько дней за интернет и прочёл практически все, что смог найти в сети о вирусах и теперь, наверное, вполне мог бы получить степень бакалавра по вирусологии. Однако, всё, о чем он узнал, лишь подтверждало слова Сайма – в природе не существовало ничего лишнего, избыточного. Всё, чем обладали и что производили различные, и сложные организмы, и простейшие, включая вирусы, было направлено исключи-

тельно на обеспечение их жизнедеятельности и бесконечное их воспроизводство. А значит, заявление доктора об искусственной природе нового вируса, было совершенно логично и вряд ли оспоримо.

Кстати, интересный напрашивается вывод – чем более высокий уровень развития индивидуума мы имеем, тем больше лишних, избыточных вещей он будет производить. А из этого вытекает, что абсолютно развитый разум или разум сверхцивилизации должен предаваться исключительно излишествам и наслаждениям, поставив на второй, третий и так далее план, функциональность производимых продуктов, и в конце концов, совершенно их отринув. И значит любая сверхцивилизация должна неизбежно вымереть в конце концов, как мамонты и динозавры. Возможно, они и вымерли по этой же причине – развились до такой степени, что загнулись от излишеств и непрерывных развлечений! Николас невольно улыбнулся, представив картину извивающихся от наслаждения туш диплодоков и стегозавров, и стонущих от удовольствия Ти-Рексов. Впрочем, этот вывод справедлив, если предполагать непрерывно линейное развитие, но мы-то помним, что ничего линейного в сложных системах не бывает, все норовит быть нелепо криволинейным, мысленно опроверг сам себя бывший физик.

Конечно, в пользу искусственности происхождения вируса были и другие доводы. При крайне высокой степени

распространения, смертность от него была, не сказать, что незначительной, но в общем-то невысокой – два-три процента, не более. А такого никогда не наблюдалось в прошлом у вновь появившихся вирусов. Все новые паразиты были чрезвычайно летальными, достаточно вспомнить печально известную «испанку» – вирус гриппа, который, появившись в начале двадцатого века, косил людей десятками миллионов. Позже, конечно же, этот убийца мутировал, приспособиваясь к новому носителю – человеку, – и став менее летальным, обеспечил себе постоянное место обитания и воспроизводства. И это понятно, иначе какой прок от убитого тобой носителя? Так... Выходит, что кто-то, создавая вирус, сознательно «замаскировал» низкой смертностью истинное предназначение вируса – свести всех с ума. Но зачем?

Пронзительный звонок смартфона оторвал Николаса от воспоминаний. А! Вот и Бор, сейчас узнаем о вчерашних подвигах и свершениях, оживился он, отодвинув кружку. Однако это оказался вовсе не Бор, а его Ева, которой вчера у Цукербергов, насколько помнил Николас, не было. Впрочем, полагаться на собственную память сейчас было бы несколько самонадеянно.

– Привет, Николас, как ты там, голова в порядке? Ты вчера так навернулся с лестницы, что я даже подумала о паре сломанных рёбер! – привычно затарахтела Ева.

– Подожди, Ева! Да, привет. Как с лестницы, с какой, ко-

гда?

– Ты что, совсем ничего-о...? Впрочем, да, к этому времени ты уже так залился виски и абсентом, что скорее всего, находился в состоянии полной амнезии, – радостно ожидалась Ева в предвкушении красочного описания подвигов Николаса. Что вовсе его не обрадовало, поскольку он надеялся, что часть его жизни, связанная с бесконечными попойками и множеством беспорядочных интимных связей, навсегда осталась в прошлом.

Три года назад Николас расстался с женой, после чего, неожиданно, пустился во все тяжкие. Он даже не подозревал, что последние несколько лет жизни с Мэй в нем жило это, на первый взгляд ничем не объяснимое, страстное желание выйти из круга забот и обязанностей среднего обывателя Джерси-Сити. Он будто стремился наверстать годы, потраченные на обустройство гаража, бассейна и детской, обязательно-скучные визиты к родителям жены и нудное заполнение налоговых деклараций раз в декаду. Д-а, оторвался, другого слова и не подберешь, досадливо поморщился Николас, словно на пиру во время чумы погулял... Заранее, так сказать, поскольку чума пришла только сейчас.

– Алло, ты там живой? – забеспокоилась на другом конце линии связи Ева.

– Да здесь я, здесь. Так что там за история с лестницей?

Нет, подожди! Почему ты звонишь с телефона Бориса, с ним тоже... э-э... беда?

– Не, не, с ним все хорошо, живой, правда не вполне, про- бурчал только, перед тем как снова отключиться, чтобы я тебе позвонила и, если необходимо, отвезла к травматологу, – Ева захихикала, но тут же прервала себя:

– Шучу, но он правда беспокоился о тебе, потому и звоню. Так вот, уже во втором часу ночи, когда все порядком набрались и охрипли, пытаюсь переорать друг друга, ты вдруг поднялся с дивана и заявил, что только настоящее отчаяние заставляет тебя произнести речь с амвона. Какое отчаяние? Ну, Вона ты никак не мог переубедить... Потом ты вскарабкался по лестнице в спальню к Цукербергам, но на последней ступеньке резко развернулся, потерял равновесие и покатился вниз. Я точно слышала, как что-то хрустнуло, подумала ну все, шею свернул, но ты, докувыркавшись, растянулся под лестницей и запыхтел – заснул как младенец... храпящий, – рассмеялась Ева.

Николас в полном недоумении забарабанил пальцами по столу:

– Ты шутишь? Зачем я к ним в спальню полез? Впрочем, извини, вопрос конечно риторический, это я в некоторой прострации от услышанного нахожусь. А потом что было?

Николасу гораздо интереснее было узнать, что было до, а не после падения с лестницы, но он подозревал, что Еве был

не очень интересен их диспут.

– Мог бы и сам догадаться, что было потом – бревно было отгружено в Убер и водителю оплачены хлопоты по доставке тела к парадному входу!

– Да уж... тело. Ты извини, что я так набрался, не знаю, что на меня нашло. Ну а как...

В этот момент завибрировал сигнал другого вызова и Николас, посмотрев на экран, поспешно прервал Еву:

– Извини, бывшая звонит, скорее всего что-то случилось, иначе бы не позвонила, я ей отвечу, потом перезвоню тебе, ок?

Дав Еве отбой, он переключился на Мэй и весь напрягшись от вновь накрывшего его приступа дурноты, крикнул, почти охрипнув:

– Что с Сарой?

– И я рада тебя слышать! – раздраженно ответила Мэй. – Почему с Сарой должно что-то случиться? С ней все хорошо, это у меня положительный тест на вирус, но я чувствую себя прекрасно, спасибо, что спросил!

И не спросил бы, даже, если бы успел, раздраженно отметил про себя Николас. Странно, но за прошедшее с момента их разрыва время, он не стал терпимее к ней, к нему не вернулась хотя бы часть того чувства невыносимой привязанности, которую он испытывал к ней в первые годы их отношений. Он физически не мог выносить долгих разлук с Мэй, звонил ей каждый час, срываясь с редколлегий или

внезапно делая паузы во время интервью. Это состояние было под стать наваждению, как будто между ними существовала незримая связь, созданная неким колдовством или заклинанием. Одно время он даже допытывался у Мэй – наполовину в шутку, наполовину всерьез, – не обращалась ли она в начале их знакомства к какой-нибудь ведьме-гадалке с просьбой приворожить его. Но то ли зелье было плохо сварено, то ли ведьма оказалась неопытной – связь в какой-то момент вдруг исчезла. Да, вспомнил он, именно вдруг, как будто кто-то невидимый внезапно перерезал ее также, как мэр города перерезает ленточку на открытии очередного торгового центра.

– Извини, я просто неважно себя чувствую, – по привычке начал оправдываться Николас. – Да и спал сегодня плохо, скорее всего, тоже что-то подхватил, надо бы и мне тест сдать.

– Непременно сдай! И на степень алкогольной зависимости протестироваться не забудь. Да! И тест на сексуальную озабоченность добавь в корзину! Наверняка всю ночь абсент лакал и девицам стройные теории излагал в промежутках между любовными утехами, – она зло подышала в трубку. – Ладно, я не за тем звоню, чтобы в очередной раз разругаться, я хотела узнать, есть ли у тебя какие-нибудь новости об этом вирусе, а главное – о последствиях заболевания. Я не за себя даже боюсь, меня больше волнует, что будет... что может быть с Сарой.

Да, Сара... Как же это я не подумал? Он представил на мгновение свою дочь, застывшую в нелепой позе, с дрожащими руками и ногами, в безуспешных попытках вспомнить, где находится туалет... А может Сайм все-таки ошибся или я стал объектом какого-то нелепого розыгрыша? Почему он только мне рассказал о своем открытии? Он вспомнил как в конце беседы с Саймом поинтересовался, как давно доктор обнаружил белки-убийцы интеллекта. И главное, почему он рассказал о них ему – человеку, давно имеющему к науке лишь косвенное отношение, – а не сделал сообщение в научных кругах, как, собственно, и полагалось бы поступить в подобном случае.

///

– Последние тесты я завершил три дня назад, так что вы первый, кому я рассказал о результатах своих исследований, – доктор помолчал, глядя в глаза Николасу.

– А рассказать прежде всего вам, я решил, потому что нахожусь в несколько затруднительном положении. С одной стороны, полученные мной результаты определяют довольно жалкое будущее человечества и поэтому их необходимо срочно опубликовать, чтобы начать действовать. С другой стороны, у меня есть серьезное опасение, что попади мои материалы в СМИ с подачи не вполне чистоплотного журналиста, начнется чудовищная паника, последствия которой крайне сложно предугадать. М-да... предугадать и предпри-

нять, и так раз двадцать пять – звучит как некий код или пароль! – Сайм загадочно улыбнулся, бесцельно передвигая предметы на столе и закрыв крышку центрифуги, продолжил. – Я читал ваши обзоры и интервью, в вас чувствуется знающий человек, тем более с достойным университетским образованием. Кроме того, вы хороший публицист с большим опытом работы и, скорее всего, неплохими связями. А главное – вы человек, по моему убеждению, глубоко порядочный и равнодушный, что, пожалуй, даже и перевешивает первые два обстоятельства.

– Вы бы весьма удивились, доктор, обнаружив, что мой реальный облик несколько отличается от того образа, который вы только что нарисовали. Но мне и впрямь лестно, что вы столь высокого мнения обо мне.

– Вряд ли мне придется разочаровываться в вас, Николас, интуиция редко меня подводит. Впрочем, это уже не важно, я принял решение и надеюсь, что оно верно. Я доверил вам свое открытие и прошу вас решить, как дальше с ним поступить. Вы можете сделать его достоянием гласности – в этом случае, я уверен, вы опубликуете мои материалы с присущим вам тактом, минимизировав возможные последствия. Или, воспользовавшись вашими связями, посвятите в него узкий круг людей, принимающих решения в этой стране. В конце концов, вы можете просто предать его забвению, позволив событиям развиваться своим чередом, – неуверенно закончил Сайм.

– Довольно тяжкую ношу вы на меня взваливаете, доктор – мне придется фактически решить судьбу человечества, – грустно улыбнулся Николас. – Однако, насколько я понимаю, речь не идет о естественном развитии событий – кто-то ведь уже взял нашу судьбу в свои руки. Кстати, у вас есть какие-нибудь соображения относительно того, кто стоит за созданием этого вируса и зачем он, собственно, был создан?

– Я вообще не уверен, что этот вирус был создан человеком, поскольку представления не имею о технологиях, которые были использованы при его создании. По крайней мере, он создан не человеком в том его понимании, к которому мы привыкли. А уж о целях, которыми руководствовались его творцы, я могу только гадать.

– Доктор, вы опять меня напугали, неужели вирус был создан некой высшей расой, скрывающейся где-то в недрах Земли, или пришельцами с Бета Гидры? – улыбнулся Николас.

– Это был бы не самый скверный вариант, по крайней мере, в этом случае мотивацию создателей вируса, возможно, удалось бы понять и хотя бы попытаться с ними договориться. Но, боюсь, дело обстоит гораздо хуже. Впрочем, мне не хотелось бы сейчас об этом говорить, поскольку ничего определенного на этот счет, кроме смутных домыслов, мне в голову пока не приходит.

Тропард некоторое время нерешительно открывал и закрывал рот, явно взвешивая, стоит ли говорить о том, что

ещё его беспокоит.

– До отправки материалов в Стэнфорд, – продолжал доктор, – я хочу провести еще несколько исследований... Похоже, у некоторых людей может существовать врожденная защита от этого вируса, которая никак не связана с деятельностью иммунной системы. Я бы не хотел пока об этом говорить, поскольку и уже сказанного мной вполне достаточно, чтобы счесть меня не вполне... э-э... адекватным. Тем более, что это уже приходило вам в голову в начале нашей беседы, – улыбнулся он. – Поэтому я не хочу сейчас забегать вперед, но, обещаю, что первым о результатах тестов узнаете вы. Правда, только в том случае, если мои догадки подтвердятся, – закончил он, провожая Николаса к выходу из лаборатории.

///

Николас вздрогнул от шума вибрирующего в ухе динамика:

– Алло, ты что, отключился? Ну точно, опять всю ночь пил! – негодовала в трубке Мэй, – Ты слышал, что я сказала?

– Да, конечно, слышал. Я договорился о встрече на завтра с Саймом Тропардом из Эфджиар, ну помнишь, я тебе о нем рассказывал – известный вирусолог. Надеюсь, он прояснит ситуацию, и я сразу же тебе после встречи позвоню, – привычно соврал Николас.

В трубке повисло молчание, потом Мэй неожиданно спокойно начала говорить так, как обычно говорят с расстроена-

ными детьми:

– Ты, наверное, еще не видел сегодняшних новостей, Николас. Дело в том, что Тропард погиб вчера ночью во время взрыва в лаборатории.

3

Диктор встревожено бубнил на фоне кадров развороченных внутренностей лаборатории, обгоревших стен, кусков искореженной мебели и оборудования, не отличимых теперь от обычного строительного мусора. Камера наезжала то на останки стола, то на развороченные взрывами верхушки газовых баллонов, то на пятна реактивов, расплескавшихся по вспученным от огня пластиковым панелям. Озвученная версия несчастного случая – взрыв баллонов с кислородом, – заставила Николаса раздраженно дернуть головой как бы в стремлении уверить диктора в полном её неприятии. Последний час он торопливо просматривал новостные блоги и непрерывно переключался с одного телевизионного канала на другой. Подсознательно он надеялся услышать подтверждение официальной версии, хотя и понимал, что подобного подтверждения быть не может. Несколько обстоятельств катастрофы никак не вписывались в версию несчастного случая, призванную успокоить город. Людям, хоть немного знакомым с Тропардом, трудно было поверить в ЧП по вине злостного нарушения им правил техники безопасности. В этот момент лихорадочных размышлений Николас задался вопросом, а много ли вообще людей знало о его недавних работах, особенно о его ПОСЛЕДНЕЙ работе. Доктор упомянул в конце их встречи, что Николас единственный, не счи-

тая самого Тропарда, кто знает о белках-убийцах интеллекта. Но... стоп! Единственный ли?

Сообщение Мэй о взрыве в лаборатории повергло его в шок, который, странным образом, послужил неким триггером, запустившим цепочку воспоминаний о событиях вчерашнего вечера. Конечно же он сцепился с Воном после рассказа о выводах, к которым пришел Тропард. А, собственно, почему бы ему было и не поделиться подробностями его встречи с известным вирусологом, доктор же не брал с него обязательств по неразглашению, напротив, он просил Николаса самого решить, как распорядиться полученной информацией. В этот момент Николас недовольно сморщился, ощутив некоторый внутренний дискомфорт. Сайм, передавая ему эксклюзивные права на распространение информации, имел в виду, все-таки, не возможность поделиться ею в узком кругу знакомых, вызвав у них неподдельный ужас и восхищение рассказчиком. Безусловно, доктор надеялся на тщательный анализ возможных последствий обнародования результатов своих исследований и хирургически точную их подачу в нужном месте и в нужное время с выверенными комментариями и оценками Николаса. Да, легкомысленно как-то получилось – Николас выглядел просто мальчишкой, которому не терпелось похвастаться перед друзьями неожиданно свалившимся на него сокровищем... Хотя, надо признать, что к своим почти сорока, он, в сущности, так и остал-

ся мальчишкой с горящими глазами, рыскающим по окраинам и заброшенным фабрикам в поисках невероятных тайн и сокровищ. Мэй иногда подтрунивала над ним, заметив в нем эту мальчишескую страсть к загадкам еще на заре их отношений. М-да... Сначала подтрунивала, а с годами стала зло высмеивать, уверяя его, что он уже никогда не повзрослеет.

Однако, вернуть ничего уже нельзя, что сделано – то сделано! Что же, похвастался, но внезапная гибель автора открытия, некоторым образом, как бы даже и реабилитировала его. Интуитивно он понимал, что чем более широкий круг людей узнаёт о существовании белков-убийц интеллекта, тем скорее можно будет найти выход из создавшегося положения и что-то предпринять. Предпринять и предугадать, так, кажется, выразился доктор? Интересно, что он имел в виду...

///

Итак, публике, уже изрядно принявшей смесь разнообразных горячительных, был преподнесен рассказ о коварных белках во всех подробностях, которыми Николас его снабдил, предварительно поднатюнув в онлайн вирусологии. Естественно, он рассчитывал произвести впечатление прежде всего на Вона. И вовсе не тогда, когда он выкладывал бы подробности исследований Тропарда, а когда настало бы время триумфального изложения его собственной сногшибательной версии, кто же стоит за созданием этого вируса.

И впечатление было произведено, да еще как произведе-

но! В комнате повисла гнетущая тишина, женская часть компании в лице Лолы Цукер, Вики, и как теперь выясняется, Евы, с застывшими лицами медленно осознала услышанное. Ошеломленные рассказом Николаса, девушки явно пытались представить себя в роли пораженных преждевременной деменцией. Бедная Вики! Она ведь недавно переболела и ужас явственно проступал на её лице сквозь румянец недавнего радостного возбуждения. Микаэль придвинулся ближе к Лоле и взял её руки в свои, пытаясь поймать её взгляд. Борис, будучи человеком легкомысленным, ничего в жизни не принимающим всерьез, как всегда в подобных случаях, попытался отшутиться: «Зато толерантность к ментальным инвалидам теперь поднимется на небывалую высоту!» – но встретившись глазами с Вики, неловко осекся.

– А ты хорошо его понял? Вообще какое он впечатление произвел на тебя, тебе не показалось, что он был... ну... не совсем в себе? – бросился в бой Микаэль, придя в себя после того, как он убедился, что с Лолой все в порядке и она на удивление спокойно восприняла шокирующую новость.

– Представь себе, я не преминул справиться о его здоровье фактически в тех же выражениях, – улыбнулся Николас. – Но вскоре убедился, что его психическое состояние не вызывает никаких опасений.

– А он показал тебе результаты своих исследований, ну, там, какие-нибудь цифры, записи, таблицы... – продолжал допытываться Микаэль.

– Нет, да это было бы и бесполезно, я все равно мало что в этом понимаю. Точнее, понимал, поскольку после нескольких дней усиленного изучения вирусологии, я уже вполне могу считать себя дипломированным специалистом в этой области! Как ты думаешь, может быть Тропарду сто́ит передать мне результаты его исследований, а не отправлять их в Стэнфорд?

В комнате повисло молчание, время от времени прерываемое лишь звуками льющихся в бокалы напитков и вздохами Вики, безучастно уставившейся взглядом в дальнюю стену гостиной.

– Я думаю, что Тропард действительно сделал открытие, о котором нам поведал Николас. Выводы, к котором Сайм пришел, вряд ли можно подвергнуть сомнению, я знаком с некоторыми его работами – они безукоризненны. Это очень вдумчивый исследователь, который никогда не делает поспешных выводов, перепроверя результаты своих работ по многу раз, – наконец подал голос Вон. – К тому же, я, судя по всему, уже наблюдал подобное расстройство когнитивных функций у одного из первых переболевших. Впрочем, тогда я, конечно же, даже не подозревал, что оно вызвано именно вирусом, точнее белками, которые он производит.

– Забавно, но практически то же самое, слово в слово сказал и Тропард, когда упомянул о последствиях заболевания, – улыбнулся Николас.

Борис, до сих пор переводивший взгляд с одного на другого, вновь решил несколько разрядить обстановку.

– Будем исходить из того, что Тропард верно определил грядущее сумасшествие человечества. Тогда проблема сводится к тому, сможем ли мы избежать всеобщего помешательства и, если да, то, где рыть бункер?

– Боюсь, что для ответа на этот вопрос у нас маловато данных. В конце концов Тропард хочет передать материалы своих исследований в Стэнфорд. Вот там и решат, как с этими белками бороться или обнаружат, что эти... как их там... да, пептиды, не так опасны или вообще со временем рассасываются, – с надеждой в голосе предположил Микаэль.

– Вот уж на это рассчитывать точно не приходится, это как с беременностью малолетней, надежда-то у нее есть, но оснований для избавления от обширной отечности маловато, – продолжал оптимистически смотреть в будущее Борис.

– А догадками о происхождении этого вируса Тропард с тобой не поделился, что он там говорил о нечеловеческих его создателях? – попробовал зайти с другой стороны Микаэль.

И вот тут-то Николас и выдал им свою теорию происхождения вируса. Теория основывалась на оригинальной идее русских фантастов, описанной ими, уже и не вспомнить в каком романе. Николас же творчески переработал её, переложив на текущий вирусный хоррор. Он постулировал, что создание вируса было инициировано вовсе не человеком,

а некоей саморегулирующейся системой, способной сохранять постоянство своего внутреннего состояния. У русских эта система, помнится, называлась Гомеостатическим Мирозданием (ГМ). Подобные системы давно известны в химии, например, некоторые химические реакции могут сохранять «статус кво», протекая неограниченно долгое время. Только сейчас масштабы подобной «реакции» сравнимы с размерами Галактики.

Человек представляет угрозу Гомеостатическому Мирозданию, поскольку его деятельность нарушает постоянство энтропии ГМ. Поэтому ГМ уже многократно вмешивалось в деятельность человека, замедляя или вовсе изменяя ход истории человечества, иногда, впрочем, допуская ошибки. (В этом месте рассказа Николас напомнил всем об испытаниях термоядерного оружия). Однако теперь эта сила решила действовать наверняка и собирается лишить человечество способности развиваться. Вот с этой-то целью она и выпустила на волю вирус, который приводит людей к слабоумию. «Постой-ка! – прервал Николаса в этом месте Микаэль. – А как же это она действует, не имея ни конечностей, ни, скажем, манипуляторов?»

«Здесь-то, как раз, всё просто», – снисходительно улыбнулся Николас и пояснил, что ГМ действует через отдельных людей, внушая им, время от времени, как поступать и что делать в тех или иных случаях. В эти моменты люди не осознают, что они делают и в их памяти подобные действия не со-

храняются. Кроме того, ГМ так же доносит до людей информацию о новых веществах и технологиях и внушает им схемы и чертежи различных устройств. При этом люди не даже не задумываются, каким образом у них в голове вдруг возникают эти схемы и устройства, на ходу предположил Николас, вспомнив один из романов Саймака. Так, скорее всего, и появился нынешний вирус – некто, находясь под внушением ГМ, «придумал» и синтезировал его с помощью технологий, принципы которых ему были просто-напросто внушены.

Вероятно, продолжал Николас, методы, которыми действует Гомеостатическое Мироздание универсальны для любой Вселенной. И доказательством тому является отсутствие каких-либо следов деятельности сверхцивилизаций. Почему мы не видим их? Да потому, что ни один разум не может развиться до уровня сверхцивилизации – вселенская упорядоченность препятствует подобному прогрессу. Так или иначе, но за созданием вируса стоит именно ГМ, которое руками людей, находящихся под его внушением, произвело на свет этого монстра – нынешний вирус.

Николас замолчал, переводя дыхание, и триумфально окинул взглядом теплую компанию, готовясь снисходительно насладиться восторгом слушателей. Однако, в отличие от тревожно повисшей тишины после первого сообщения, сейчас в воздухе явственно ощущалось радостное оживление. «Та-ак, сейчас начнется поток острот», – безошибочно уга-

дал Николас. И они не заставили себя ждать.

– Ух ты, выходит я всю жизнь нахожусь под наблюдением «старшего брата», это он, значит, не позволит мне плюнуть в вечность? – весело огорчился Борис.

– Нет, ты только подумай, я и умереть намеревался атеистом, а оказывается мы все под Господом ходим. Ты же, надеюсь, понимаешь, что никакой разницы между Всевышним и твоим Гомеостатическим Мирозданием нет. В такой постановке это лишь вопрос терминологии! – вторил Борису Микаэль.

Даже Вики, придя немного в себя, развеселилась.

– Да уж, под твоим обаянием я была, но вот под гипнозом Гомеостаза как-то не приходилось! – не к месту напомнила она об их с Николасом недолгом романе.

Совершенно неожиданно, Вон довольно серьезно отнесся к гипотезе Николаса.

– Красивая теория и довольно оригинальная. Я вспомнил, где читал о ней, кажется это было у русских в каком-то фантастическом романе, что-то за миллион лет до чего-то там. Но в романе, по-моему, приложение силы было иным – Мироздание охотилось за учеными, которые могли представлять для него угрозу, точнее не они, а их возможные открытия. Так что, конечно, идея принадлежит не Николасу, но он очень красиво переложил ее на нынешний вирусный катаклизм, – одобрительно улыбнулся Вон. – И отсылка к невозможности появления сверхума очень даже кстати в его

интерпретации. Если она верна, то сверхцивилизации, действительно, никогда не смогут развиваться ни в этой Вселенной, ни в какой иной... Кстати, все знают, чем сверхцивилизация отличается от «обычной», даже очень развитой цивилизации? Николас, тебе-то это, как физику, должно быть известно, – сверхцивилизация способна изменять фундаментальные постоянные, коих у нас насчитывается, если я правильно помню, пять. Но это так, к слову...

Он встал среди повисшей тишины, и бросив несколько кубиков льда в стакан с виски, продолжил, бродя по гостиной и время от времени отпивая из бокала.

– Но вот принять эту теорию в качестве гипотезы происхождения вируса я вряд ли могу, она явно противоречит принципу «Бритвы Оккама». На всякий случай напомним, о чем он гласит – «Не следует множить сущее без необходимости!»

– А на английский можно перевести? – улыбнулась Ева.

– Ну, например, можно сказать и так: не надо без необходимости вводить новые законы, чтобы объяснить новое явление, если это явление можно полностью и исчерпывающе объяснить старыми законами, – пояснил Вон. – И если мы еще не знаем, как старые законы могут объяснить появление нового вируса, то это значит, что мы еще не все привычные объяснения рассмотрели! А в нашем случае мы ещё даже и не начали их рассматривать.

– Тропард же ясно дал понять, что он даже не представ-

ляет какие технологии были использованы при создании вируса. А уж он то – ведущий ученый в этой области, – должен был бы знать о них! – яростно начал отстаивать свою теорию Николас.

– Но это вовсе не значит, что таких технологий не существует! Разумнее предположить, что нам с тобой, как и Сайму, о них неизвестно. Или, если угодно, ПОКА неизвестно, – хладнокровно парировал Вон.

– Но ты же согласен с тем, что вирус создан искусственно – синтезирован кем-то, – так? А значит этот кто-то должен обладать знаниями, которые на нынешнем этапе развития нам неизвестны, так ведь? Или ты думаешь, что такое сложное создание, как нынешний вирус, могло появиться в результате случайных мутаций?

– Нет, конечно же, после твоего сообщения об открытии белков-убийц, я уже не могу допустить, что нынешний вирус появился в результате «естественных» мутаций. Скорее всего, это действительно чье-то творение, но предполагать, что за этим стоит некая вселенская сверхсила... ну... это как-то... Извини меня, конечно, Николас, но это немного инфантильно, что ли, и, действительно, сильно напоминает слепую веру в Создателя. Ты же, как атеист, надеюсь понимаешь, что твоя... ну, ок, пусть не твоя... теория ГМ недалеко ушла от теории Господа Бога? Или, перефразируя, ГМ недалеко ушла от ГБ. Просто в одном случае мы облачаем движущую силу в нечто неосязаемое, а в другом – в некий образ вполне

себе добродушного старца, благосклонно взирающего на нас с небес, – улыбнулся Вон. – А! Есть еще одно отличие – ГБ не посягает на свободу воли, а ГМ очень даже!

Он предупредительно поднял руку, пытаясь остановить Николаса, отчаянно пытающегося вклиниться в его рассуждения.

– Извини, еще одно, пока не забыл. Ты упомянул эволюцию, точнее одну из её составляющих – мутации, – когда спросил меня, каким я вижу нынешний вирус. Знаешь, а ведь это и впрямь очень интересный вопрос. Является ли этот вирус продуктом эволюции в том смысле, что тот, кто его создал, тоже появился на свет в результате эволюции? А появился он для того, чтобы нынешний вирус создать. И знаешь, я отвечу утвердительно – да, вирус появился в результате эволюции, но именно в том смысле, о котором я только что сказал. Ну, извини, что был столь многословен, говори, пожалуйста, Николас.

Николас, раскрасневшийся равно как от возбуждения, так и от горячительного, выпрыгнул с дивана, с которого порывался несколько раз вскочить во время монолога Вона.

– Да черт с ней – с эволюцией! Это вообще сейчас не важно, все эти философские вопросы мироздания можно оставить на потом, сейчас важно понять, кто стоит за нынешним апокалипсисом. И если ты согласен, что некто обладает знаниями, о которых нам ничего неизвестно, то ответ – как он их получил? Не настолько же он гениален, чтобы опередить

нас на десятки лет. А то и на всю сотню лет! А кроме знаний о предмете, то есть о вирусе, ему еще нужна была технология, чтобы этот вирус синтезировать. Где он раздобыл... ну... ну хотя бы неизвестные нам электронные компоненты, чтобы это устройство собрать?

– Ну знаешь, науке известны и не такие случаи, когда гении опережали свое время, предсказывая законы, которые открывали спустя десятилетия!

– Законы да, но технологии, технологии! Без необходимой технической базы создать что-либо прорывное невозможно, даже, если тебе известны законы и принципы, на которых это прорывное основано. Вспомни радио, например, которое было изобретено спустя десятилетия после того, как Максвелл вывел уравнения электромагнитного поля!

– Да откуда тебе известно, что при создании вируса были использованы неизвестные нам технологии? Возможно, и существующие вполне с этим справились, только нам неизвестно, какие именно и как они были использованы?!

Дальнейшая дискуссия, судя по всему, свелась к обмену колкостями, громогласным обвинениям в узости мышления и построении грандиозных эфемерных конструкций при столь же грандиозном отсутствии аргументов. И конечно же, эта битва умов разворачивалась на фоне непрерывной огневой поддержки крепких напитков, что и привело в конце концов Николаса к триумфальному падению с лест-

ницы. «Придется все-таки навеститься к травматологу, вздохнуть-то и впрямь больно!», – болезненно скривился научный обозреватель.

///

Николас задумчиво поставил кружку с недопитым кофе на стол и принялся оценивать текущее положение дел и свои ближайшие перспективы. Уже несколько раз звонили из редакции, требуя предоставить рукопись беседы с Тропардом для срочной публикации статьи во внеплановом номере журнала. Редакция ни за что не хотела упустить столь удачно выпавший шанс заработать на последнем интервью погибшего ученого. Но Николас понимал, что он не сможет написать ни строчки, не упомянув об открытии белков-убийц, а он определенно не готов был сделать это сейчас. И не сможет, по крайней мере, до тех пор, пока не убедится в правильности выводов и предположений вирусолога, а главное – не поймет, кто стоит за созданием вируса.

Последнее время Николаса не оставляла мысль, что, поняв мотивы создателей, он сможет и устранить последствия заражения. Он согласился с доводами Вона, хоть ему и тяжело было признать, что Вон опять победил в их неформальном противостоянии интеллектов. Действительно, теория Равновесной Вселенной (это название неожиданно вытеснило Гомеостатическое Мироздание) слишком вычурна, чтобы претендовать на роль подходящего объяснения происхождения белков-убийц. Кроме того, как правильно заме-

тил Вон, это гипотеза никак не могла бы помочь им в схватке с вирусом и выявить тех, кто стоит за его созданием. Борьба с силой, не имеющей реальных очертаний ни в пространстве, ни во времени, и обладающей фактически неограниченными ресурсами, попросту бессмысленно. А потому, давайте-ка мы сосредоточимся на поисках более оптимистического объяснения происходящего, например, подумаем о чем-то вроде вышедших из-под контроля экспериментов по созданию вирусов для лечения неких тяжелых недугов. А затем найдем и возьмем к ногтю горе-творцов этих вирусов, вытряхнув из них рецепт противоядия.

Однако, версия о криворуких экспериментаторах вряд ли могла бы объяснить взрыв в лаборатории, явно устроенный с целью убийства человека, который догадался об истинной сущности вируса. Именно убийства, поскольку Николас ни на минуту не мог допустить, что Сайм погиб в результате несчастного случая.

Но, если допустить, что Сайм был убит создателями вируса, то такая же участь могла ожидать и тех, кто знает теперь о его выводах, а поскольку об этом знаю я и еще пятеро, то... Николас похолодел, представив череду несчастных случаев: разбившиеся в аварии на хайвее Микаэль с Лолой; Борис, лежащий около обгоревшего в результате короткого замыкания электрощитка; Вон... А как погибнет Вон? Определенно, его ждет изощренно интеллектуальный конец, например... Чёрт! Что за ерунда лезет в голову! Ничего с нами

не произойдет, ну кто поверит автору сенсационной новости, если он не сможет её подтвердить! А подтвердить он ее не сможет, поскольку источник этой новости погиб в результате собственной халатности. Так что ничего нам не грозит... кроме слабоумия. Да и то вряд ли, Эфджиар уже объявила о создании эффективной вакцины, так что нужно всего-то пару-тройку месяцев перетерпеть, скрываясь под масками и костюмами химзащиты. До тех пор, пока Эфдиэй вакцину не одобрит и не начнется её массовое производство. И Сара будет первой в очереди на вакцинацию – я костыми лягу, но выбью у Эфджиар пару ампул с вакциной!

Да, у нас-то шанс есть, но что станет с теми двумястами миллионами, которые уже инфицированы? Если верить Тропарду насчет фрагментов вируса, навсегда «осевших» в нашем геноме, то этих несчастных уже не спасти – они гарантированно станут слабоумными.

Кстати, об Эфджиар, надо бы выяснить у них, не остались ли ещё какие-нибудь записи Тропарда о его последних исследованиях. Не мог же он хранить их только в сгоревшем компьютере. И еще... Известно ли руководству Эфджиар о последствиях заражения, успел ли Тропард сообщить им перед смертью что-либо о результатах своих исследований?

А что мы, собственно, хотим найти в его записях, мысленно осекся Николас, вряд Сайм что-то утаил от меня, скорее всего, он выложил мне всё, о чём ему удалось узнать. Похоже на то... Но мне же нужно хоть какое-то подтверждение

того, о чем он мне рассказал. Кто поверит экзальтированному журналисту, когда он бросится спасать мир и раструбит о белках-убийцах по всему свету? Кроме того, Тропард упомянул, что собирается провести еще одно исследование, связанное... с чем там? А, да! Неиммунным способом защиты организма. Странно, разве есть подобная защита? Надо бы узнать у Вона, что это может быть... В общем, прежде всего надо найти записи Тропарда, тем более что я пока не вижу, с чего начать расследование. Вот как! Расследование? Ну да, а как это еще можно назвать?

В этот момент Николас осознал, что телевизор по-прежнему бубнит, давно переключившись с новости о взрыве в лаборатории на очередное освещение триумфального шествия вируса по планете. Диктор Биэнэн доверительно сообщал об ограничительных (а как же, не разрешительных же!) мерах, которые планируется ввести после одобрения вакцины Эфджиар и запуска её в массовое производство. Среди прочего было объявлено, что с момента начала вакцинации авиаперелеты, а также посещения любых мест массового скопления людей, будут возможны только при наличии подтверждения, что пассажир или посетитель привит. Вот это да! Мысленно представив заполненные самолеты, поезда, стадионы, театры, да и просто супермаркеты в час пик и быстро сделав несложные подсчеты, Николас присвистнул от восхищения – вот это выручка! Выручка, которая светила

фармкомпаниям, заявившим о завершении работ по созданию вакцин от нового вируса. И первой в этом ряду стояла Эфджиар.

Все как нельзя более удачно складывалось для этой компании: вирус возник из ниоткуда именно в тот момент, когда у компании появились финансовые проблемы; у компании уже были наработки препаратов против вирусов этого типа и поэтому ей удалось быстро разработать вакцину. Так, что-то здесь... Некоторое время Николас размышлял, пытаясь представить Эфджиар в роли тайного вдохновителя работ по созданию вируса-убийцы интеллекта, но взвесив все доводы за и против, он отказался от столь заманчивой версии. Безусловно, Эфджиар много выигрывала от пандемии и последующей обязательной вакцинации, однако два обстоятельства ее полностью реабилитировали. Во-первых, Трбпард сообщил с плохо скрываемой завистью, что он даже не представляет, какие технологии были использованы при создании вируса. Вряд ли ведущий ученый компании ничего не знал о технологиях, которыми эта компания располагает... если бы она ими располагала. Во-вторых, зачем синтезировать слабоумие, которое приведет в итоге к мучительной смерти миллиарды людей – потенциальных покупателей продукции компании? В этом не было никакого смысла, поэтому Николас с некоторым сожалением исключил Эфджиар из списка подозреваемых. Впрочем, и списка-то еще никакого не было, возможные кандидаты в него ещё даже не

просматривались...

В этот момент вновь призывно завибрировал смартфон. Да чтоб тебя! Если это опять из редакции, пошлю их к черту! Но это был, как ни странно, Вон, которого Николас никак не ожидал сейчас услышать.

4

Николас не сразу ответил на вызов, подумав, что из всей мужской части их компании, это и мог быть только Вон, поскольку вряд ли он сейчас находится в столь же плачевном состоянии, что и Николас. Вон единственный в их компании всегда оставался на ногах, невзирая на количество выпитого алкоголя, даже в студенческие годы. Никто и никогда не видел Вона с похмелья, что, само по себе, было довольно странным. Похоже, самые тошнотворные последствия чрезмерного употребления горячительных Вон испытывал на следующее утро или ночь, в зависимости от времени суток воздействия. Ну что ж, в очередной раз попытаемся вывести его на чистую воду... точнее на мутное признание.

– Привет, Вон! Надеюсь, у тебя похмелье не выше пятого уровня? – преувеличенно вежливо поинтересовался Николас.

Но Вон и здесь оказался на высоте, никоим образом не показав, что испытывает хоть малейший дискомфорт от выпитого накануне. Свежим, ровным баритоном, с обычной снисходительной полуулыбкой на гладко выбритом лице (перед глазами Николаса прямо-таки стояла эта картина и он даже мистически ощутил слабый запах лосьона после бритья, которым тот всегда пользовался), Вон, не спеша, принялся разочаровывать Николаса.

– Вряд ли даже на первый потянет, хотя, должен признать-ся, некоторая тяжесть в затылке присутствует, что я отно-шу к явно лишней паре рюмок абсента в конце вечеринки. Здравствуй, Николас! Надеюсь, я не разбудил тебя. Как твоя спина и рёбра? Очень уж ты резво вчера скатился с лестни-цы. Так стремительно, что никто не успел тебя подхватить, что, впрочем, и не удивительно, поскольку к этому времени все старались сохранять свое собственное равновесие. Я по-думал о твоих рёбрах, поскольку и сам когда-то так же на-вернулся с лестницы, заработав при этом пару трещин.

– Приятно удивлен, что ты первым делом подумал обо мне, спасибо, что побеспокоился, – саркастически усмехнул-ся Николас. – Но Ева тебя опередила и даже готова была от-везти меня к травматологу. Похоже, наведаться к нему при-дется, поскольку глубоко вздыхать и делать акробатические упражнения в ванной и впрямь больно. Хотя теперь даже и не знаю когда. Ты видел сегодняшние выпуски новостей?

– Ты имеешь в виду взрыв в лаборатории Тропарда? Ко-нечно, видел, и первым делом подумал о тебе, в том смысле, что ты, скорее всего, уже принялся придумывать конспиро-логические версии на этот счёт. Надеюсь, все-таки, что мои аргументы вчера были убедительны и ты хотя бы не пытался и здесь притянуть за уши Гомеостатическое Мироздание.

– Убеждать ты умеешь, признаю, – скривился Николас. – Поэтому эту версию я не рассматривал. Кстати, теперь ее ра-бочее название Равновесная Вселенная (ЭрВэ), а не Гомео-

статическое Мироздание, которое, на мой взгляд, слишком уж громоздкое. Впрочем, сейчас дело не в названии. У тебя есть какие-нибудь мысли по поводу возможных причин взрыва?

– Знаешь, а новое имя, действительно лучше отражает суть твоей теории, ты точно подметил, что дело именно в равновесии, которое любой разум неизбежно нарушает в результате своей деятельности. Что касается причин взрыва... Я думаю, да даже уверен, что взрыв в лаборатории произошел не из-за чьей-то халатности – дефектных газовых баллонов, неисправной электропроводки и тому подобного. Почему? Да прежде всего потому, что лаборатория сгорела сразу же после того, как Трбпард поделился своим открытием с тобой. Я не верю в случайные совпадения, так что известная поговорка реаниматологов «после того, не всегда означает, вследствие того» здесь вряд ли применима. Поэтому придется признать, что взрыв был кем-то устроен; тем, кто не хотел, чтобы о его открытии стало известно всему миру. Однако, если допустить, что нынешний вирус был кем-то синтезирован, то тот, кто устроил взрыв, обязательно должен быть и изобретателем вируса, надеюсь ты это понимаешь.

– Пожалуй, хотя допущение, что существует не один, а несколько заинтересованных в апокалипсисе лиц, усложняет наши поиски.

– Отнюдь. Можно, например, предположить, что некто финансировал работы по созданию вирусов для лечения ге-

нетических заболеваний (назовем его инвестор), а тот, кто эти вирусы синтезировал (назовем его изобретатель), в какой-то момент решил использовать разработанные технологии в собственных целях. И, в конце концов, сознательно или нет, выпустил своего Франкенштейна на волю... В свою очередь, Тропард обнаружил, что всему миру грозит тотальное слабоумие и, в конечном итоге, неприглядная смерть в нечистотах. Инвестор же, узнав об открытии Тропарда и понимая, что он тоже причастен к грядущему концу света, поспешил уничтожить доказательства истинной угрозы вируса. Вот лаборатория и взлетела на воздух.

Николас помолчал, размышляя над версией Вона, которая пришла тому на ум, судя по всему, только что или незадолго до звонка.

– Ну, не знаю... А как инвестор узнал об открытии Тропарда? Сайм же никому о нем, кроме меня, не рассказывал, а с вами я поделился только вчера вечером, так что даже теоретически времени на подготовку и на сам взрыв у инвестора не было.

– Согласен, но мы можем предположить, что инвестор был в курсе работ Тропарда и следил за ним, а из этого следует, что Сайм работал у инвестора, а поскольку он работал в Эфджиар, то выходит, что... – Вон не закончил мысль, предоставив Николасу возможность самому сделать вывод.

Ошеломленный Николас некоторое время передвигал по столу чашку с остатками кофе, лихорадочно пытаясь встро-

ить предположение Вона в услышанное и осознанное им за последние несколько часов. Да, Эфджиар не было смысла разрабатывать вирус, который привел бы к слабоумию и последующей смерти большую часть населения планеты. Но компания действительно могла невольно поспособствовать созданию нынешнего монстра, потеряв контроль над разработками невинных «коммерческих» вирусов. В этом случае у Эфджиар, несомненно, были все основания скрыть источник происхождения вируса, а главное – его истинную угрозу. Однако, одно дело стремиться избавиться от улики и совсем другое – убить ведущего ученого с мировым именем. Кроме того, это убийство не решило бы проблем компании, рано или поздно кто-нибудь пришел бы к тем же выводам, что и Тропард относительно белков-убийц интеллекта.

Николас уже открыл было рот, чтобы привести Вону эти аргументы, однако тот, словно прочитав его мысли, продолжил.

– Конечно, эта версия маловероятна, я далек от мысли, что Эфджиар, заметая следы, зашла настолько далеко, что уничтожила своего ведущего специалиста. Я всего лишь хотел продемонстрировать, что предположение о существовании нескольких заинтересованных лиц, так или иначе причастных к апокалипсису, вполне правдоподобно.

«И тебе почти удалось убедить меня, что Эфджиар подорвала Тропарда в его лаборатории, опять меня разыграл», – в который раз мысленно скривился Николас.

– Однако, есть одно обстоятельство, которое может говорить о возможном участии Эфджиар в разработке неких вирусов. Это новость пятилетней давности, которую я нашел в одном из их старых пресс-релизов, – продолжал Вон. – Размышляя об открытии Тропарда и о его словах, что вирус никак не мог появиться естественным путем, я вспомнил об одной разработке, о которой читал лет пять назад на одном из биологических форумов. Речь шла о принципиально новом генно-инженерном оборудовании – синтезаторе вирусов, бактерий и других простейших, – сходным по принципу действия с 3D принтером. Только создавать на нем предполагалось не объемные тела, а вирусы с заданными свойствами. Я попытался восстановить ту информацию, однако обсуждение на форуме не сохранилось и последующие поиски в интернете каких-либо сведений об этой разработке ничего не дали. Но я вспомнил имя возможного автора изобретения – Огёт Кавбн. Да, имя странное, потому-то оно и засело у меня в памяти, скорее всего. Правда, никакой информации ни о нем, ни о его контактах, ни о том, получили ли его идеи развитие, я не нашел. Единственное, что мне удалось найти – это упоминание в одном из старых пресс-релизов Эфджиар о неудачных испытаниях некоего оборудования для конструирования вирусов с заданными свойствами. Причем на сайте Эфджиар этого пресс-релиза сейчас нет, я нашел его перепечатку в каких-то онлайн-архивах.

– Идея действительно необычная, но ты ведь понимаешь,

что для её реализации потребовались бы огромные средства... которые как раз и могла предоставить Эфджиар, – неожиданно для себя закончил Николас. – Но если испытания, как ты говоришь, были неудачными, то заманчивую теорию создания вирусов на 3D принтерах придется похоронить. А жаль, действительно красивая идея.

– Не торопись её хоронить, Николас. Та, якобы неудачная, демонстрация может говорить и о том, что изобретатель решил действовать в своих интересах после изготовления необходимого оборудования. И, скорее всего, отдавать инвестору будущий прототип, построенный на его же деньги, он вовсе не собирался.

Как всегда, умение последовательно выстроить и логически безупречно обосновать любую, даже парадоксальную идею или версию, не подвело Вона и в этот раз. Странно, в который раз подумал Николас – молодой, подающий большие надежды биолог, лауреат нескольких престижных премий, вдруг, неожиданно для всех, отказался от заманчивого предложения возглавить новое направление в биофизике и ушел в аналитику прогнозов развития в различных областях. Впрочем, и на новом поприще, Вон быстро достиг значительных успехов, определив пару многообещающих трендов и убедительно обосновав высокую вероятность предсказанного им развития событий. Николас знал нескольких успешных бизнесменов, которые своими нынешними, весьма вну-

шительными состояниями, были обязаны прогнозам Вона, которому заслуженно перепала значительная часть их прибыли. Однако Вона мало интересовалась коммерческой стороной его прогнозов, подлинной его страстью был сам процесс интуитивно-ненадежного, но такого захватывающего предсказания пусть и недалекого, и весьма ограниченного, но будущего человечества.

– Получается, Эфджиар вложила средства в разработку синтезатора вирусов, автор идеи принтера создал работающее оборудование, однако сознательно провалил его испытания. Так? После этого он синтезировал нынешний вирус и выпустил его на волю. Ладно. Потом Тропард обнаружил свойство вируса разрушать интеллект и кто-то, предположительно Эфджиар, узнал об этом. Ну, допустим. Однако Эфджиар убить его вряд ли бы решилась, так? Тогда кто-то еще, узнав об открытии Тропарда, устранил его, устроив взрыв в лаборатории. И тогда единственный, кто мог быть заинтересован в сокрытии информации об истинной угрозе вируса – это изобретатель 3D принтера. Но каким образом он узнал об открытии Тропарда: следил за Тропардом, за Эфджиар? Этого я представить не могу, откуда у изобретателя такие возможности? – подытожил свои, скорее вопросы, нежели выводы Николас.

– Не знаю, но, если допустить, что он смог собрать подобное устройство, то уж найти способ отслеживать происходя-

щее в Эфджиар ему было вполне по силам, по сравнению с его изобретением это вовсе не бином Ньютона, – улыбнулся на том конце Вон.

– А следил он именно за Эфджиар потому, что она тоже, пусть и косвенно, была причастна к его работам... Да, это понятно. Но какова была вероятность того, что именно сотрудник Эфджиар обнаружит белки-убийцы?

– Знаешь, довольно высокая. Изобретатель имел все основания предвидеть, что именно Тропард наткнется на эти белки. Видишь ли... м-м... как бы это сформулировать... логика неизбежности последовательности событий говорит о том, что все значимые для изобретателя события с высокой вероятностью должны были происходить внутри и вокруг этой компании.

– Но рано или поздно, кто-то еще открыл бы эти белки, вряд ли Тропард был единственный, кто смог бы их обнаружить, – все ещё сомневался Николас.

– Ключевая фраза в твоём предложении – «рано или поздно», Николас. Очевидно, изобретатель понимал, что его белки в конце концов обнаружат, но ему было важно, чтобы это произошло как можно позже. Тогда, когда процесс распространения слабоумия уже нельзя будет остановить и это открытие уже ничего не изменит. Кстати, получается, что у нас еще есть время, чтобы остановить распространение вируса, иначе Тропард сейчас был бы жив и вполне себе здоров.

Это неожиданное соображение несколько приободрило

Николаса, позволив ему увидеть хоть и призрачную, но все-таки надежду в уныло-безрадостной перспективе, накрывшей его несколько дней назад. Действительно, время у них еще есть, пусть даже этот вывод сделан на основе наспех придуманной версии. Вот уж воистину, за что только утопающий не ухватится, пуская пузыри!

– Согласен, время есть! Думаю, начать надо с Эфджиар – попытаться у них выяснить, что им известно о работах Тропарда и о выводах, к которым он пришел. Кроме того, я хочу у них узнать, не осталось ли еще где-то его записей, не могло же все храниться только в его сгоревшем компьютере. Видишь ли, я не всё рассказал вам о вчера о моем интервью с Тропардом. Дело в том, что в конце нашего разговора Сайм упомянул еще об одном исследовании, которое он собирался провести после встречи со мной. Он как-то странно упомянул об этом, ну... вроде как у некоторых людей может существовать врожденная защита от вируса, которая никак не связана с деятельностью иммунной системы. Это его дословная фраза, я ее почему-то хорошо запомнил. Я еще подумал, что надо бы у тебя спросить, что бы это могло быть... Ты не знаешь, что он имел в виду?

– Чёрт, Николай, что же ты о самом главном-то не сказал?! Это же может быть решением всех наших проблем!

– Да забыл я совершенно об этом, настолько был ошарашен его рассказом о белках-убийцах, что и думать ни о чем больше не мог, все представлял свои немощные потуги в лу-

же нечистот. Вспомнил только сегодня, когда увидел новости о взрыве в лаборатории. Так ты понимаешь, о чем он говорил?

– Нет, совершенно не понимаю, что он имел в виду, иные способы защиты организма от вирусов, кроме иммунных, мне неизвестны. Николас, я буду тебе очень признателен, если ты свяжешься со мной после встречи в Эфджиар и расскажешь, что тебе удалось узнать.

– Конечно, но сначала туда надо как-то попасть, сейчас буду искать выходы на их руководство. Я сразу же тебе позвоню, если что-то узнаю. Пока!

Николас дал отбой и положив смартфон рядом с безнадежно остывшей чашкой кофе, встал, потягиваясь. Бродя кругами по гостиной, залитой потоками послеполуденного солнца, он подытожил результаты беседы с Воном. Да, его версия вполне могла бы объяснить появление загадочного вируса. Наверное, можно было бы придумать еще несколько правдоподобных версий, однако, размышляя над версией Вона, Николас ощущал то самое восхитительное опустошение, которое всегда предшествовало подтверждению его самых смелых предположений. И первая догадка Николаса о возможном инициаторе создания вируса и виновнике нынешней пандемии тоже относилась к Эфджиар, хотя и была впоследствии отвергнута им же. Но Николасу почему-то хотелось думать, что Эфджиар имеет непосредственное отно-

шение к катастрофе, поэтому версия Вона так импонировала ему.

Итак, что мы имеем? Будем исходить из того, что Эфджиар принимала участие в событиях, которые привели к синтезу нового вируса, профинансировав эти работы. А значит ей известен изобретатель, и, не исключено, что это Огот Кавон. Далее, Эфджиар, несомненно, узнала о результатах работ Тропарда, а значит и Огот Кавон тоже узнал о них, поскольку каким-то образом следил за Эфджиар. Значит, во время встречи с кем-то из руководства Эфджиар, а в идеале, с кем-то из о-очень большого руководства, нужно будет узнать, что им известно о результатах последних работ Тропарда. А также удостовериться, что они знают человека по имени Огот Кавон. Это уж как минимум. А как максимум – получить подтверждение того, что Кавон им не просто известен, а является для них огромной головной болью!

Так, с чего же начать? А начнем мы, пожалуй, с записной книжки и посмотрим, кто может вывести нас на пятьдесят пятый этаж, подумал Николас, мысленно представив офисный небоскреб Эфджиар на пересечении Тринити плэйс и Парк плэйс.

Он взял смартфон в руки и начал пролистывать список контактов, задумчиво останавливаясь на некоторых именах. Смартфон вдруг завибрировал в его руке, резковатая мелодия разлилась по притихшей комнате – номер звонящего был неизвестен Николасу.

– Алло, мистер Саймс? – услышал Николас мягкий, и в то же время настойчивый голос, явно принадлежащей женщине в годах. – Вас беспокоит Нина Белл – секретарь мистера Салливана, CEO Эфджиар Фармасьютикалс. Я приношу извинения за звонок на ваш частный номер – мне его сообщили в вашей редакции, – но вопрос весьма срочный. Могу я соединить вас с мистером Салливаном?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.